

СОДЪЯТСКЯЯ БИБЛИОТЕКА

Е 93
Е 354

Передъ лицомъ смерти.

ИЗДАНИЕ В.А. БЕРЕЗОВСКАГО

ДОПУЩЕНО МИНИСТЕРСТВОМЪ Народнаго Просвѣщенія для обращенія въ народныхъ учащихся и читальняхъ.

~~287~~
~~32~~

52
422

921-75
11998

ПРЕДЪ ЛИЦОМЪ СМЕРТИ.

22952-0

(ДѢЛО ПОДЪ ИКАНОМЪ).

(Бытовые очерки изъ жизни уральскихъ казаковъ).

Только что первые солнечные лучи заиграли на разрисованныхъ ночнымъ морозомъ окнахъ, какъ Петръ Копняевъ вскочилъ и торопливо началъ одѣваться, досадуя на то, что, благодаря вчерашней гулянкѣ, такъ долго проспалъ. Еще бы ему не торопиться! Сегодня послѣдній день масленицы и грѣшно казаку, да еще такому молодцу, какъ онъ, валяться, какъ старой бабѣ, на кровати. Нынче онъ и его товарищи во что бы то ни стало должны взять *городъ*, а то дѣвки засмѣютъ ихъ такъ, что лучше и на глаза

не показывайся. Проворно одѣвшись, онъ взялъ шапку и хотѣлъ выйти на дворъ, но ему загородила дорогу старуха-мать, хлопотавшая около жарко топившейся печки.

— Ты куда это, окаанный, пропасти на тебя нѣтъ?

— Я, мамонька, хочу гнѣдого напоить да овса ему задать.

— Гнѣдого напоить! — передразнила сына мать, — а умыться да помолиться не надо? Ахъ вы, заразой васъ не убьетъ, пострѣлы этакіе! На-ко, что выдумалъ: ему и помолиться ужъ некогда. Ну, Петръ, смотри, я терплю, терплю, да какъ возьму сковородникъ въ руки, такъ тогда ужъ не жалуйся, всѣ уши обобью. Эхъ! отца-то нѣтъ, поучить-то тебя некому. Онъ бы тебя, покойникъ, сразу выучилъ, узналъ бы, небось, Кузькину мать.

Сынъ молча выслушалъ воркотню горячо любившей его матери и подошелъ къ рукомойнику.

— Вотъ такъ-то лучше, — промолвила смягчаясь старуха, — а теперь берись за оладьи, пока онѣ со-всѣмъ еще не остыли; вишь, сколько времени проспалъ, на дворѣ давно ужъ бѣлый день.

— Послѣ, мамонька, успѣю еще, — проговорилъ Петръ, выходя за дверь.

Десятилѣтній братишка его, Андрей, возился подъ навѣсомъ около толстаго косматаго маштака.

— Петенька, подтяни мнѣ подпругу,—обрадовался онъ, увидѣвъ брата.—Ты куда этакую рань собрался?

— Вотъ, тоже сказалъ, рань! По улицѣ давно вершники ¹⁾ скачутъ. Надя два раза успѣла за водой сходить, еще посмѣялась надъ нами.

При имени сосѣдней казачьей дѣвушки лицо Петра вдругъ вспыхнуло.

— Смѣялась, говоришь... Что же она говорила?

— Зря, говорить, нынче тетка Матрена печку топить; вамъ и безъ того съ братомъ нынче много оладьевъ достанется, когда города будете брать ²⁾; распухните, пожалуй, оба съ нихъ.

— Ахъ она, язва этакая! Ну, стой, — радостно ухмыльнулся Петръ, — будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. А ты теперь куда, чай города брать?

— Знамо, брать; ты думаешь, только вы одни умѣете? Наши города-то еще лучше вашихъ будутъ, даромъ что маленькіе.

— Смотри, гнѣдого твоего я напоилъ, — обернулся Андрей, выѣзжая изъ воротъ и пустивъ лошадь въ карьеръ.

¹⁾ Вершникъ — верховой. Въ Уральскѣ преимущественно такъ называютъ мальчиковъ, развѣзжающихъ во время масляницы по городу цѣлыми толпами.

²⁾ Оладьями называются удары, которыми защитники города щедро награждаютъ нападающихъ.

Петръ посмотрѣлъ брату въ слѣдъ и направился къ своему коню, котораго любилъ за его смѣлость. «Этого чорта ни огонь, ни вода не удержатъ», завидовали товарищи.

Убравъ лошадь и закусивъ кое-какъ, несмотря на упрашиванья матери поѣсть хорошенько ради послѣдняго дня масленицы, Петръ сталъ приготовляться къ выѣзду на улицу. Онъ досталъ бѣлилъ и румянъ, выпрошенныхъ наканунѣ у сосѣдки, досталъ изъ трубы сажу и началъ размалевывать себѣ лицо. Затѣмъ онъ надѣлъ поверхъ теплой куртки длинную, бѣлую рубашку, перетянулся краснымъ шелковымъ кушакомъ, навязалъ кругомъ головы пукъ яркихъ лентъ и самодовольно повернулся раза три передъ матерью, все время съ любопытствомъ смотрѣвшей на него.

— Вотъ теперь я настоящій харюшка¹⁾. Что, мамонька, хорошо ?

— Хорошо-то, хорошо,—отвѣтила мать, съ улыбкой глядя на его раскрашенное лицо,—да только, пожалуй, грѣхъ этакъ пачкаться-то. Ну, посмотри, на кого ты теперь похожъ, родная мать отъ тебя откажется.

— Ну, вотъ, грѣхъ... Мажутся же дѣвки ; это,

¹⁾ Харюшка—ряженный, замаскированный.

небось, ты скажешь не грѣхъ. Ты меня теперь скоро не жди : я, можетъ быть, поздно прїѣду.

Черезъ нѣсколько минутъ Петръ, лихо подбодчась, ѣхалъ вдоль улицы, поглядывая кругомъ, не покажутся ли на какомъ-нибудь перекресткѣ его друзья. По улицамъ вездѣ сновали партіи вершниковъ. Нельзя было проѣхать и ста шаговъ, чтобы не наткнуться на небольшой, сдѣланный изъ снѣга столбъ, изображающій *городъ*, около котораго стояли казачата, вооруженные лаптишниками ¹⁾, готовые храбро отразить напоръ ожидаемаго врага.

— Есть ли городъ? — остановилась одна партія вершниковъ у городка, задавая обыкновенный въ данныхъ случаяхъ вопросъ.

— Есть, есть, — дружно отвѣтили защитники.

Вершники ринулись впередъ, стараясь смять защитниковъ и уронить *городъ*, но были встрѣчены градомъ ударовъ. Лошади бросались въ стороны, и вершники должны были отступить.

— Что, Андрюша, видно не беретъ? — засмѣялся Петръ, замѣтивъ въ числѣ нападающихъ своего братишку.

— Ничего, — возразилъ не унывающій Андрюша, потирая лѣвое ухо, по которому ему достался по-

¹⁾ Лаптишникъ — короткая палка съ привязаннымъ къ ней лаптемъ.

рядочный ударъ лаптемъ, — это только теперь, сначала, пока лошади боятся, а къ вечеру ни одного города цѣлымъ не оставимъ, всѣ возьмемъ.

Петръ поѣхалъ дальше. Выѣхавъ на площадь, онъ наткнулся на большую толпу харюшекъ, ѣхавшихъ съ пѣснями. Всѣ они были разодѣты самымъ причудливымъ образомъ и вооружены дубинами, пашками и топорами.

— А, Петръ! Что запоздалъ? Мы думали тебя шишиги ¹⁾ задавили.

— Да такъ вышло, братцы. Скоро начинать-то?

— Вотъ проѣдемъ еще немного, вспотимъ хорошенько лошадей, потомъ можно будетъ и за оладьями ѣхать,—проговорилъ бравый казакъ, бросивъ искоса на Петра далеко недружелюбный взглядъ. Взглядъ этотъ не удивилъ Петра: давно уже они косятся другъ на друга, давно уже при встрѣчахъ у каждого сжимаются невольно кулаки, но до открытаго столкновенія еще ни разу не доходило. Причиной же обоюдной ненависти было то, что стоило только Надѣ Полоротовой показаться вечеромъ около своихъ воротъ, какъ почти одновременно къ ней подходили Петръ Копняевъ и Михаилъ Кудрявцевъ. Оба были лихіе казаки, обоемъ

¹⁾ Шишиги—нечистые духи.

только что минуло по двадцати лѣтъ и оба должны были весной уйти на службу въ полки. Зазнобила ихъ Надя, крѣпко зазнобила. До этого времени они были дружными товарищами, если попадался въ какой-нибудь молодецкой шалости одинъ, то всѣ знали, что въ ней участвовалъ и другой. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока они вдругъ не замѣтили, что сосѣдка Надя изъ черномазой дѣвочки-подростка, на которую раньше они не обращали никакого вниманія, превратилась точно какимъ-нибудь волшебствомъ въ шестнадцатилѣтнюю красавицу. Въстѣ съ этимъ они замѣтили, что каждый изъ нихъ начинаетъ слѣдить съ какимъ-то тайнымъ, непонятнымъ недоброжелательствомъ за своимъ товарищемъ. Эта глухая непріязнь усиливалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и они наконецъ сознали, что изъ недавнихъ друзей они превратились въ самыхъ непримиримыхъ враговъ и что рано или поздно одному изъ нихъ не сдобровать. Надя, съ присущею въ данныхъ случаяхъ женщинамъ проницательностью, скоро разгадала ихъ сердечную тайну, но пока явнаго предпочтенія не отдавала ни тому, ни другому. Это именно и не позволяло прорваться накипѣвшей враждѣ, помогая соперникамъ сохранить хотя наружно прежнія товарищескія отношенія.

— Пора, братцы, къ городу ѣхать,—произнесъ

Кудрявцевъ, поглядѣвъ на солнце,—чай насъ тамъ теперь уже поджидаютъ.

— И то пора,—согласились всѣ и поворотили на Большую улицу, по которой тянулись вереницы санокъ. Катающихся было такъ много, что ѣхали шагомъ, въ нѣсколько рядовъ. Противъ дома, занимаемаго наказнымъ атаманомъ, высился *городъ*, представлявшій изъ себя гигантскую ледяную лѣстницу, первая ступень которой была такъ высоко отъ земли, что всадникъ свободно могъ проскакать подъ нею, не задѣвъ ее головой. Верхушку этой громадной лѣстницы увѣнчивалъ длинный, украшенный краснымъ флагомъ, шестъ. Къ этому шесту былъ привязанъ боченокъ съ водкой, заманчивый призъ для тѣхъ, кто возьметъ, то-есть разрушить городъ. Кромѣ этого боченка побѣдители въ награду должны были получить двадцать пять рублей отъ атамана, помимо рукоплесканій и похвалъ со стороны зрителей. Въ случаѣ же неудачи, все это доставалось на долю защитниковъ города, а нападающимъ пришлось бы удовольствоваться полученными ударами да градомъ обидныхъ прозвищъ. Поэтому читатель не удивится, если мы скажемъ, что онъ не можетъ даже себѣ представить, съ какимъ пыломъ, съ какой отвагой бросаются харюшки на городъ и съ какимъ ожесточеніемъ бьютъ ихъ защитники его. Хотя, положимъ, видимой опасности

(развѣ только задавить рухнувшимъ городомъ) для жизни нѣтъ, но все-таки подставлять лицо подъ удары нагаекъ и пятифунтовыхъ замороженныхъ лаптей — не шутка !

Удальцы наши подѣхали къ городу, около котораго стояло человѣкъ пятьдесятъ казаковъ, вооруженныхъ лаптишниками. Лапти были такъ заморожены, что казались сплошными кусками льда. Точно по сигналу толпы любопытныхъ начали стекаться со всѣхъ сторонъ, запруживая собою выходящія къ атаманскому дому улицы. Полицейскіе дѣятельно работали локтями, стараясь оставить свободное мѣсто для боя, но это имъ плохо удавалось. Толпа все прибывала. Задніе становились на сани, усѣивали собою заборы и крыши сосѣднихъ домовъ. Всѣ нетерпѣливо ждали начала приступа. На балконѣ своего дома показался атаманъ, привѣтливо раскланиваясь съ снявшими на минуту шапки казаками.

— Есть ли городъ?—крикнулъ одинъ изъ харюшекъ, выѣзжая впередъ.

— Есть, да не про вашу честь,—послышалось изъ толпы защитниковъ въ отвѣтъ.

— Что такъ ?

— Крѣпокъ больно ; пожалуй, какъ кусать станешь, зубы изломаешь.

— А вотъ мы попробуемъ, у насъ зубы молодые, не вашимъ чета, можетъ и не изломаемъ.

— То-то и горе, что молодые; вашими зубами только оладьи ѣсть, сострилъ одинъ изъ защитниковъ, намекая этимъ на удары лаптишниками. Въ толпѣ зрителей послышался хохотъ.

— Нечего зря зубы-то скалить, не за тѣмъ пріѣхали, чтобы ласы съ балясами точить. Айда, братцы, поворачивай назадъ,—проговорилъ Петръ.

— Ну, теперь держитесь крѣпче,—обратился онъ къ толпѣ защитниковъ,—поглядимъ, каковы вы на дѣлѣ, а на словахъ-то вы куда остры. Смотрите, въ гости къ вамъ сейчасъ пріѣдемъ, не проспите.

— Ладно, ладно, милости просимъ; не бойся, не проспимъ. У насъ угощеніе для васъ готово, оладьи — первый сортъ, прямо съ жару; только ужъ не прогнѣвайтесь, коли больно горячи будутъ.

Толпа харюшекъ повернула назадъ.

— Сторонись, сторонись!—кричали онѣ на народъ, который во время этихъ переговоровъ, почти сплошнымъ кольцомъ окружилъ ихъ. Отъѣхавъ шаговъ полтора, онѣ остановились, слѣзли съ лошадей и начали готовиться къ схваткѣ: тотъ подтягивалъ подпругу, этотъ отвязывалъ дубину отъ сѣдла; у многихъ въ рукахъ появились пашки и топоры. Если бы кто-нибудь изъ лицъ, не бывавшихъ во время масляницы въ Уральскѣ, взгля-

нулъ въ эту минуту на этихъ такъ ярко и пестро разодѣтыхъ всадниковъ, на ихъ разрисованныя лица, на ихъ оружіе, то онъ на минуту усумнился бы, дѣйствительно ли онъ находится въ Россіи и не попалъ ли онъ какимъ-нибудь чудомъ въ саванны къ краснокожимъ индѣйцамъ.

— Ну, атаманы-молодцы, становись плотнѣе другъ къ другу... Смотри, другъ друга не выдавать... — командовалъ Кудрявцевъ, принявшій на себя на этотъ разъ роль начальника.

— Готовы что ли?

— Готовы.

— А коли готовы, такъ съ Богомъ... Маршъ, маршъ !

II.

Нападающіе плотной толпою, какъ выпущенное изъ пушки ядро, ринулись на городъ бѣшенымъ аллюромъ. Жутко было смотрѣть со стороны, казалось, вотъ-вотъ они раздавятъ защитниковъ. Но тѣ не дремали. Какъ по командѣ мелькнули въ воздухѣ замороженные лапти, и удары градомъ посыпались на головы разгорячившихся лошадей. Напрасно всадники нещадно били ихъ нагайками, посылая впередъ: кони подымались на дыбы, виз-

жали отъ боли, но все-таки поворачивались и уносили назадъ взбѣшенныхъ первой неудачей харюшекъ. Первый приступъ былъ отбить. Почти у всѣхъ харюшекъ лица были въ крови, и они опять начали выстраиваться на прежнемъ мѣстѣ.

— Плохо, атаманы-молодцы, дѣло совсѣмъ дрянъ.

— Страсть какъ шибко бьютъ, язвой ихъ не убьешь!

— А все-таки, какъ ни бей, а наше отъ насъ не уйдетъ.

— Куда дѣнется! Хоть до вечера пробьемся, а возьмемъ, да возьмемъ.

— Ну, атаманы-молодцы, становись опять да разгоняй шибче лошадей, можетъ теперь удастся грудью сшибить, — скомандовалъ Кудрявцевъ.

Снова, какъ бѣшеные, понеслись харюшки на городъ, снова вотъ-вотъ онѣ раздавятъ все находящееся впереди—и снова тотъ же отпоръ.

Толпа зрителей казаковъ громко выражала свой восторгъ, осыпая градомъ насмѣшекъ харюшекъ.

— Вотъ это по нашему! что взяли?

— Нѣтъ, молодое, зелено еще, немножко не доросли,—захлебывался отъ восторга одинъ пожилой казакъ. Онъ все время находился въ величайшемъ волненіи, и на его лицѣ попеременно отражались то радость, то досада.

Пять разъ повторялась атака и каждый разъ такъ же неуспѣшно. Лошади, ошеломленные безчисленными ударами, окончательно ошалѣли и плохо повиновались всадникамъ.

— Что дѣлать будемъ, атаманы — молодцы, неужто такъ и отступимся?—спросилъ Кудрявцевъ. Вѣдь тогда просто хотъ ложись да помирай, и на улицу нельзя будетъ показаться, не будешь знать куда и дѣваться со срама.

— Какъ можно отступаться?!

— Хотъ до самой ночи биться, а все-таки безпремѣнно надо взять.

— Вотъ что,—предложилъ Кудрявцевъ,—дадимъ немножко вздохнуть лошадямъ, а то смотри, онѣ совсѣмъ отъ рукъ отбиваются.

— Знамо, надо дать вздохнуть, ишь какъ упарились сердечныя.

— Упариться-то упарились да еще больно напугались, просто и близко къ городу не подходятъ; только у одного Копняева идетъ напроломъ, а остальные всѣ назадъ пятятся.

— Ну, этотъ дьяволъ ничего не боится, такъ и претъ безъ удержу.

— Стойте, атаманы-молодцы, что мнѣ пришло въ голову,—вдругъ крикнулъ Петръ, озаренный внезапно счастливой мыслью,—я сейчасъ одинъ одиныхонекъ городъ возьму.

— Какъ возьмешь?

— Ты это взаправду или нарочно? Говори скорѣе!—торопили его со всѣхъ сторонъ.

— У тебя, Петя; ~~не лаптишки~~ лаптишками?—съ худо скрытой ироніей обратился къ нему Кудрявцевъ.

— Нѣтъ, пока у меня голова, слава Богу, на мѣстѣ, а все-таки, какъ я сказалъ, такъ и сдѣлаю, только вы не плошайте, во-время давайте подмогу.

— Да говори толкомъ, какъ это ты ухитришься одинъ взять.

— А вотъ какъ: я сейчасъ подъѣду къ нимъ будто позубоскалить съ ними да погарцовать, а вы тѣмъ временемъ стойте на мѣстѣ да съ меня глазъ не спускайте. Какъ только я полѣзу вверхъ къ боченку, такъ вы и бейте на уру ¹⁾.

— Все это хорошо, да какъ ты къ боченку-то полѣзешь, кто тебя туда пустить? Развѣ шишиги помогутъ, тогда еще такъ.

— Это ужъ моя печаль, кто поможетъ, а вы дѣлайте такъ, какъ я вамъ говорю,—и съ этими словами Петръ одинъ поѣхалъ къ городу. Не доѣзжая шаговъ двадцать, онъ остановился и спросилъ: есть ли городъ?

¹⁾ Вить на уру—идти на ура.

Всѣ кругомъ захохотали: «вотъ такъ молодецъ, вотъ такъ казакъ, одинъ хочетъ городъ взять»!

— Есть ли городъ?—не смущаясь насмѣшками, повторилъ Петръ.

— Когда нѣтъ, есть, до будущаго года простоить.

— Ой ли?

— А ты попробуй, возьми.

— Взять, говоришь?

— Знамо возьми.

Петръ вдругъ быстро обѣими ногами вскочилъ на сѣдло, гикнулъ, и его гнѣдой, какъ стрѣла, кинулся прямо на городъ. Неожидавшіе ничего подобнаго защитники невольно шарахнулись въ стороны, Петръ на всемъ скаку ухватился руками за нижнюю перекладину, повисъ на одно мгновеніе, затѣмъ справился и быстро полѣзъ вверхъ.

Не успѣли всѣ очнуться отъ изумленія, какъ завѣтный боченокъ былъ у него уже въ рукахъ, и онъ началъ спускаться внизъ.

— Н-ну-у штука!—всплеснулъ руками одинъ казакъ.—Сколько годовъ на свѣтѣ живу, а этого еще не видывалъ.

А въ это время на неуспѣвшихъ еще прійти въ себя защитниковъ города бурей, съ гикомъ летѣли харюшки.

— Тѣ, видя, что призъ уже взять, на этотъ

разъ не оказали почти никакого сопротивленія, и черезъ минуту городъ зашатался.

— Берегись, задавить,—послышалось въ толпѣ.

Мгновенно всё отхлынуло прочь, и громадная масса рухнула въ облакъ снѣжной пыли. Радости харюшекъ не было предѣловъ.

— Ну, и язва ты, Петръ,—восторгались они,—на-ка какую штуку отмочилъ. Право, тебѣ никакъ шишиги помогли, что не оборвался внизъ, а гнѣдому твоему и цѣны нѣтъ, что и за лошадь такая; не лошадь, а звѣрь.

Въ это время къ нимъ подошелъ атаманскій ординарецъ съ двадцатипятирублевой ассигнаціей въ рукахъ.

— Вотъ вамъ отъ его превосходительства. Чей это у васъ, который отличился? Его превосходительство велѣлъ узнать его и доложить ему.

— Копняевъ, Петръ Копняевъ,—хоромъ отвѣтили нѣсколько человекъ.

— А вамъ,—обратился ординарецъ къ защитникамъ города,—велѣно идти къ пожарной части; тамъ ужъ брандмейстеръ знаетъ, угостить васъ. Нынче чай всё къ вечеру безъ заднихъ ногъ будете,—докончилъ насмѣшливо онъ, но въ голосъ его слышалась зависть. Да и какъ не завидовать? Сегодня ни одинъ казакъ, за исключеніемъ развѣ только столѣтнихъ старцевъ, не доберется безъ

посторонней помощи до своей постели, а онъ будетъ стоять въ генеральской передней и прислушиваться, не раздастся ли звонокъ.

— Ну, атаманы-молодцы, сначала поѣздимъ по улицамъ, съ дѣвушками простимся, а потомъ можно будетъ и около боченка походить; такъ что ли?—обратился къ товарищамъ Кудрявцевъ.

— Знамо такъ, а то, пожалуй, какъ около боченка сейчасъ усядешься, такъ раньше полночи и не встанешь,—засмѣялись ему въ отвѣтъ, и харюшки съ разудалой пѣсней, присвистомъ и прищелкиваньемъ свернули съ Большой улицы и поѣхали по направленію къ Уралу, зорко высматривая, не сидятъ ли гдѣ-нибудь у воротъ дѣвушки.

— Братцы, вонъ онѣ,—указалъ одинъ.

— Гдѣ?

— Да вонъ въ переулкѣ; айда скорѣе къ нимъ.

— Здравствуйте дѣвоньки, дозвоьте съ вами проститься ¹⁾,—обратились харюшки къ толпѣ разодѣтыхъ дѣвушекъ.

— Здравствуйте, коли не шутите,—отвѣтила одна изъ дѣвушекъ.

— Дозвоьте проститься, — повторили свою просьбу казаки.

¹⁾ Проститься — испросить прощеніе. Этотъ обычай свято соблюдается у уральцевъ передъ наступленіемъ Великаго поста.

— Мы не желаемъ прощаться, потому что ни съ кѣмъ не ругались, а васъ и совсѣмъ видимъ впервой?

— Хотя вы насъ и не знаете, а мы васъ очень хорошо знаемъ и много противу васъ согрѣшили; дозвоьте проститься,—настаивали харюшки.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это вы такъ только говорите, ничего вы противу насъ не грѣшили.

Харюшки между тѣмъ слѣзли съ лошадей.

— Дозвоьте проститься,—подошелъ одинъ изъ нихъ къ дѣвушкамъ и проворно чмокнулъ три раза ближе всѣхъ къ нему стоявшую. Не успѣла она вскрикнуть, какъ уже другой такъ же стремительно впился въ ея губы. Поднялся визгъ, хохотъ... Дѣвушки притворно отбивались, щедро награждая ударами казаковъ, которые, не обращая на это вниманія, продолжали свое дѣло. Перецѣловавъ всѣхъ дѣвушекъ, харюшки поѣхали дальше, продолжая вездѣ то же самое. Наконецъ они подѣхали къ дому Полоротовыхъ. Надя съ своими подругами стояла у воротъ и весело надъ чѣмъ-то смѣялась. Лица Петра и Кудрявцева одновременно, несмотря на толстый слой румянъ и бѣлилъ, вспыхнули, и они съ ненавистью взглянули другъ на друга. У обоихъ мелькнула мысль: сейчасъ и онъ будетъ цѣловать ее.

— Что, досталось чай вамъ на орѣхи?—

засмѣялась Надя, показывая свои маленькіе, ослѣпительно бѣлые зубки.

— Тамъ ужъ досталось ли, нѣтъ ли, наше дѣло, а теперь дозвоьте съ вами проститься,— обратился къ ней Кудрявцевъ.

— Вотъ больно намъ нужно ваше прощенье! Проваливайте, поѣзжайте туда, откуда пріѣхали; тамъ лучше насъ дѣвушки-то.

— Толкуйте; мы и безъ васъ знаемъ, какія дѣвушки всѣхъ краше, кого цѣловать всего слаще,— засмѣялись казаки, принимаясь цѣловать дѣвушекъ.

— Надя, родная, выйди на минутку за ворота, какъ только стемнѣетъ, мнѣ больно нужно кое-о-чемъ съ тобой переговорить. Выйдешь?—шепнулъ во время общей суматохи Петръ своей зазнобѣ, пытливо заглядывая ей въ глаза.

— Выйду,—прошептала однѣми губами вспыхнувшая дѣвушка, испуганно отвертываясь отъ него.

Петръ замѣтилъ ея испугъ и обернулся. Сзади него стоялъ Кудрявцевъ съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ мучительной боли и душившей его злобы лицомъ.

«Неужто онъ слышалъ?» мелькнуло у Петра въ головѣ. «Нѣтъ, не можетъ быть; въ такой суматохѣ хоть во все горло кричи, такъ и то не скоро разберешь», успокаивалъ онъ себя, машинально продолжая прощаться. Но какъ онъ ни старался увѣрить себя въ томъ, что Кудрявцевъ ничего не

могъ слышать, передъ его глазами неотступно стояло лицо соперника съ выраженіемъ неописанной муки на немъ.

«А если и слышалъ, такъ наплевать,» рѣшилъ Петръ; «мы и сами съ усами; вотъ только какъ бы Надѣ онъ чего не сдѣлалъ. Да нѣтъ, чай, онъ не о двухъ головахъ».

Харюшки между тѣмъ кончили прощаться и, назначивъ мѣсто сбора гулянки, начали разъѣзжаться по домамъ.

III.

Медленно потянулось для Петра время. Казалось, что въ этотъ день совсѣмъ не будетъ сумерекъ. Каждая пять минутъ онъ выходилъ во дворъ и выводилъ наконецъ изъ терпѣнія мать.

— Да перестанешь ли ты толочься, словно солдатъ на часахъ! Что это тебя нынче словно слѣпень какой укусилъ, инда всю избу выстудилъ. Только и есть, что хлопъ-хлобысть, хлопъ-хлобысть,—минуты одной не посидить покойно. Коли тебѣ больно охота идти къ товарищамъ, такъ шелъ бы что ли ужъ скорѣе, а то шатается, шатается взадъ-впередъ, просто глядѣть тошно.

— И то никакъ пора идти, — взялся Петръ

за шапку.—Ты, Андрюша, смотри, гнѣдому моему безъ меня сѣна не давай, его теперь до утра придется выдержать.

— Ладно, — отвѣтилъ Андрюша, уписывавшій въ это время холодныя олады.

— Да ты хоть бы поѣлъ что-нибудь,—попробовала остановить Петра мать,—вѣдь нынче заговѣнье; завтра и захочешь, такъ ничего не дамъ.

— Нѣтъ, мамонька, что-то не хочется.

Старуха совсѣмъ осердилась. — И говорить-то съ тобой послѣ этого не хочу, — плюнула съ досадой она, — совсѣмъ шалымъ какимъ-то сдѣлался ты за послѣднее время.

Петръ молча вышелъ за дверь.

Старуха-мать, у которой вся досада прошла, какъ только вышелъ сынъ, не на шутку задумалась.

«Нѣтъ, что-то неладное дѣлается съ нимъ», размышляла она, «что-то есть у него на сердцѣ, только скрываетъ отъ меня, думаетъ проведетъ старуху. Ужъ не захворалъ ли онъ?» всполошилась она. «Мать Пресвятая Богородица! Спаси, сохрани и помилуй насъ грѣшныхъ. Э, да что я, старая, думаю; вотъ выжила изъ ума, сѣдая головушка! Женить парня пора, вотъ что; шутка ли, — двадцать лѣтъ парню, а онъ еще холостымъ ходитъ. Знамо, какъ бы живъ былъ покойникъ, царство ему небесное, теперь я, пожалуй, внучатъ бы

ужь тѣшила, а то какъ женишь? Уйму цѣлую денегъ надо. На одну кладку ¹⁾ рублей сто надо, да то, да се, вотъ тебѣ и всѣ двѣсти припасай. Нѣтъ, видно придется Петрушѣ разочекъ на службу сходить, а тамъ, Богъ дастъ, и о женитьбѣ думать».

Петръ стоялъ межъ тѣмъ за воротами и не сводилъ глазъ съ стоявшаго на углу сосѣдняго дома Полоротовыхъ. — Темнѣло. Почти вездѣ въ окнахъ заблестѣли огоньки. Заботливыя хозяйки выходили на улицу и затворяли ставни оконъ, запирая ихъ желѣзными болтами. Улица постепенно пустѣла. Изрѣдка только проскачетъ запоздалый вершникъ, провожаемый громкимъ лаемъ собакъ, да проплетется старушка, ходившая проститься къ еще болѣе дряхлымъ родственникамъ или знакомымъ. Наконецъ послышался давно жданный скрипъ калитки, и у воротъ сосѣдняго дома появилась женская фигура. Въ два прыжка Петръ очутился около нея.

— Надя, это ты?

— Тише ты кричи, — шептала дѣвушка, оглядываясь боязливо по сторонамъ. — Ну, говори, что ты хотѣлъ сказать.

Но Петръ молча стоялъ, едва дыша отъ охва-

¹⁾ Кладка — выкупъ за невѣсту.

тившаго его волненія. Приготовленные имъ слова признанія застряли въ горлѣ, и онъ только переминался съ ноги на ногу.

— Что же ты,—повторила Надя, и въ ея голосѣ слышна была нотка разочарованія и досады.

— Что тебѣ сказать, я и самъ не знаю; одно только я знаю, что любя ты мнѣ пуще всего на свѣтѣ, что безъ тебя мнѣ и жизнь не въ жизнь. Нѣтъ того дня, нѣтъ того часа, чтобы я не думалъ о тебѣ, моей зазнобѣ. Надя, дорогая, скажи только одно словечко, любовь я тебѣ или нѣтъ.

Надя молча стояла, опустивъ низко голову.

— Надя, ты молчишь, значитъ я не люблю тебѣ,—надтреснутымъ голосомъ проговорилъ Петръ, близко наклонившись къ ней и вдругъ почувствовалъ, что его шею обвили двѣ маленькія ручки и къ его лицу прижалась нѣжная щечка страстно любимой дѣвушки. Все завертѣлось передъ его глазами. Волна безграничнаго счастья охватила Петра, и онъ осыпалъ страстными поцѣлуями поблѣднѣвшее отъ волненія, довѣрчиво склонившееся къ нему личико его возлюбленной.

Вдругъ Надя испуганно вырвалась изъ его объятій.

— Надя, куда же ты? постой, не уходи.

— Кто-то сейчасъ выглянулъ изъ-за угла... охъ, Петя, боюсь я, не Михайлъ ли это... Берегись

его, милый, онъ худое что-то на умѣ держать. Чуетъ мое сердце, что бѣда намъ отъ него будетъ.

— Пусть самъ онъ бережется, а намъ его бояться нечего, — вспыхнулъ Петръ, снова притянувъ было къ себѣ трепетавшую дѣвушку.

— Нѣтъ, пора, завтра увидимся, — ловко высвободилась она изъ его объятій и какъ тѣнь скрылась за калиткой.

Петръ постоялъ съ минуту, посмотрѣлъ ей вслѣдъ и пошелъ, самъ не зная куда. Все его существо трепетало отъ избытка счастья, и онъ, неожиданно для самого себя, запѣлъ пѣсню.

«Что теперь дѣлать?» размышлялъ онъ спустя нѣсколько времени, немного придя въ себя. «Идти къ товарищамъ, пить вино, пѣть пѣсни?.. Нѣтъ, не пойду. Лучше одинъ по улицамъ похожу. Да и не одинъ я», радостно улыбнулся онъ, переживая опять свиданіе и чувствуя близость дорогого для него существа: «со мной моя Надя»! Надя! вдругъ громко крикнулъ онъ, и звукъ его собственного голоса окончательно привелъ его въ себя. Онъ оглядѣлся кругомъ и разсмѣялся, замѣтивъ, что стоитъ одинъ на обширной, глухой площади.

— Ишь, до чего нализался, — проворчалъ проходившій невдалекѣ степенный казакъ; — вынь, да положи ему Надю. Охъ, грѣхи, грѣхи! Чѣмъ бы молиться въ этотъ вечеръ да о грѣхахъ подумать,

а у нихъ на умѣ совсѣмъ другое. Да и я тоже когда-то... Эхъ! молодость, молодость... Куда ты ушла? Теперь ужъ никакой Нади не нужно, да и я-то никому... было времечко, да ушло, былъ конь, да изъѣздялся.—Петръ, нечаянно прервавшій мирное теченіе благочестивыхъ мыслей казака пошелъ домой.

— Нагулялся ли? — встрѣтила его мать.

Вмѣсто отвѣта онъ неожиданно крѣпко поцѣловалъ ее и молодцевато ударилъ каблуками сапогъ дробъ трепака.

— Господи, Иисусе Христе! Да онъ никакъ совсѣмъ спятилъ; не то пьянъ, не то повихнулся, и не разберешь хорошенько.

— Не пьянъ я, мамонька, и не повихнулся, а только нынче такой день, такой день,—и онъ махнулъ рукой.

— Какой день?—установилась съ любопытствомъ старуха на сына, сообразивъ, что съ нимъ случилось что-то особенное, и догадываясь по его лицу что это что-то должно быть радостное.

— Вотъ какой: умирать буду, а этотъ день вспомню... — и, несмотря на разспросы матери, любопытство которой было сильно задѣто, Петръ раздѣлся и легъ, не отвѣчая ни слова.

Обиженная старуха расходилась не на шутку и съ сердцемъ потушила огонь. Сначала она жаловалась на судьбу, завидовала тѣмъ счастливымъ,

у которыхъ почтительные, не такіе, какъ у нея, сыновья, но скоро воркотня ея смѣнилась мѣрнымъ дыханіемъ, изъ чего можно было заключить, что гнѣвъ старушки прошелъ и уступилъ мѣсто спокойному сну. Не спалъ лишь одинъ Петръ. Напрасно онъ ворочался съ боку на бокъ, напрасно зарывался лицомъ въ подушку, — сонъ далеко бѣжалъ отъ его глазъ. Передъ нимъ, какъ живая, стояла Надя; онъ слышалъ ласковый шопотъ ея робкихъ рѣчей, чувствовалъ трепетъ ея молодого гибкаго тѣла, въ ушахъ его раздавалась музыка ея признанія въ любви, и онъ нетерпѣливо сбрасывалъ съ себя одѣяло и черезъ минуту снова тащилъ его на себя для того, чтобы тотчасъ же сбросить.

Если бы Петръ могъ видѣть, что въ это время кто-то осторожно подкрался къ дому Полоротовыхъ съ какимъ-то котелкомъ въ рукахъ; если бы онъ видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ, постоявъ около воротъ и мазнувъ ихъ чѣмъ-то нѣсколько разъ, опрометью бросился бѣжать; о! какимъ звѣремъ вскочилъ бы тогда Петръ съ постели, съ какимъ бы наслажденіемъ придавилъ онъ своимъ колѣномъ грудь негодяя и какъ бы безпощадно вцѣпился своими желѣзными пальцами въ его горло. Но онъ ничего этого не видѣлъ; голова его отяжелѣла, и онъ, наконецъ, мирно заснулъ, шепча дорогое для него имя.

IV.

— Петя, вставай, бѣда какая стряслась надъ Полоротовыми! — тормозила утромъ мать крѣпко разоснававшегося Петра.

— А? что такое? какая бѣда? — бормоталъ Петръ, протирая себѣ глаза.

— Ворота у нихъ дегтемъ вымазали, вотъ какая бѣда. Что теперь и дѣлать они будутъ, бѣдные? Ахъ, ты, Господи! вотъ ни за что, ни про что замарали дѣвушку, а вѣдь дѣвушка-то какая—прямо смиренница, можно сказать.

Если бы надъ головой Петра разразился ударъ грома, то онъ не могъ бы такъ поразить его, какъ это извѣстіе. Похолодѣвшими, дрожавшими руками онъ сталъ одѣваться, едва вникая въ смыслъ словъ матери. Пальцы ему плохо повиновались; наконецъ, одѣвшись кое-какъ, онъ торопливо выскочилъ на улицу.

Первое, что бросилось ему въ глаза, была кучка женщинъ, стоявшая у сосѣднихъ воротъ; онѣ пристально разсматривали что-то и тихо переговаривались между собой. Петръ подошелъ къ воротамъ и похолодѣлъ отъ ужаса: они густо были вымазаны дегтемъ. Голова его закружилась при мысли, что Надя опозорена и опозорена такъ, что никакія силы не въ состояніи смыть этого позора.

Нужно жить долго на Уралѣ, чтобы знать, что значать вымазанныя дегтемъ ворота въ домѣ, гдѣ есть молодыя дѣвушки или женщины: никто не рѣшится взять замужъ опозоренную, и нужно имѣть неопровержимыя доказательства порочности дѣвушки, чтобы такъ опозорить ее, или быть чудовищно злымъ, чтобы изъ ненависти или мести нанести такое оскорбленіе ни въ чемъ неповиннымъ людямъ.— Но горе тому, кого захватятъ на мѣстѣ преступленія! Короткая, беспощадная расправа ожидаетъ его.

Въ данномъ случаѣ почти никто не сомнѣвался, что Полоротовы были жертвой злобы, и всѣ терялись въ догадкахъ, кто бы могъ рѣшиться на такое страшное дѣло.

— Ахъ, мошенники этакіе, какъ у нихъ руки не отсохли! — переговаривались между собою казачки.

— Такъ, зря сгубили дѣвушку, а дѣвушка-то какая, то-есть вотъ ни на столько ни въ чемъ не замѣчена.

— Поди вотъ, у кого не надо, тому ворота мажутъ, а кто это заслужилъ, того мимо проходятъ, — замѣтила одна изъ казачекъ, какъ бы ненарокомъ взглядывая на рядомъ стоявшую, у которой мужъ былъ на службѣ.

— Ты куда это камни-то кидаешь? — взбеленная та, поймавъ ее взглядъ.

— Никакихъ камней я никуда не кидаю, а вотъ только жалко мнѣ ихъ, совсѣмъ, молъ, зря изобидѣли.

— То-то никуда! На свой хвостъ прежде надо оглянуться, а потомъ ужъ про другихъ говорить.

— Мой хвостъ, матушка моя, чистъ, а вотъ ты что скажешь своему муженьку, какъ онъ придетъ со службы да дождывается о всѣхъ твоихъ хорошихъ дѣлахъ?

— Какія мои дѣла? Ахъ ты, пострѣли тебя заразой! какъ у те глотка-то не разорвется!

Началась горячая перебранка, и вымазанные ворота на время были забыты.

Петръ стоялъ, не слыша и не видя ничего, что вокругъ него дѣлалось. Одинъ онъ зналъ, кто былъ виновникомъ несчастья Полоротовыхъ. Кулаки его сжимались съ такой силой, что на ладоняхъ выступила кровь. Блѣдный, съ горящимъ взоромъ и мрачно нахмуренными бровями, онъ былъ страшенъ въ эту минуту.

Усилившаяся перебранка женщинъ заставила его очнуться. Онъ провелъ рукой по лицу, словно желая отмахнуть что-то, и затѣмъ рѣшительно направился къ Полоротовымъ. На дворѣ онъ увидѣлъ мать Нади. Старуха до того измѣнилась за нѣсколько часовъ, что онъ не сразу узналъ ее. Лицо ея все распухло отъ слезъ, вся она какъ-то сгор-

билась, опустилась; казалось, она стала меньше ростомъ и постарѣла на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

— Тетка Арина, а тетка Арина, дядя Аѳанасій гдѣ?

Тетка Арина сердито посмотрѣла на него. Теперь она готова была въ каждомъ холостомъ казакѣ видѣть виновника своего горя.

— Зачѣмъ тебѣ его? — нехотя спросила она.

— Стало надо, коли спрашиваю; развѣ сталъ бы такъ, зря, въ такое время?

Это напоминаніе о случившемся вызвало новый потокъ слезъ у несчастной женщины, и она молча указала рукой на задній дворъ.

Подъ навѣсомъ, около колоды стоялъ высокій, плечистый, не совсѣмъ еще старый казакъ. Онъ, видимо, такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, а можетъ быть и думой, что не сразу отозвался, когда Петръ назвалъ его по имени.

— А, это ты, Петръ, — промолвилъ онъ, вскинувъ свои, вчера еще живые, а теперь тусклые глаза, — что надо?

— Вотъ что, дядя Аѳанасій, — заговорилъ Петръ твердымъ, увѣреннымъ голосомъ: — стряслась надъ вами нынѣ бѣда, и знаю я, что никто изъ васъ ни въ чемъ неповиненъ, а злой человѣкъ по злобѣ своей сдѣлалъ это надъ вами. Слушай! Люба мнѣ твоя дочь, да и я ей по мысли пришелся. Отдай

за меня Надю, и видеть Богъ, что никогда я ее ничѣмъ не попрекну, потому хорошо знаю, что чиста она какъ голубь.

Полоротовъ выпрямился во весь ростъ и съ удивленіемъ глядѣлъ на Петра, точно сомнѣваясь въ его здоровомъ разсудкѣ.

— Какъ! послѣ этакого сраму ты хочешь взять Надю за себя? Въ своемъ ли ты умѣ? что скажутъ тогда про тебя?

— Что будутъ про меня говорить, — это ихъ забота, не моя. Мнѣ до ихъ толковъ за моей спиной дѣла нѣтъ, а если кто попробуетъ сказать про мою жену что-нибудь дурное мнѣ въ лицо, тогда ужъ *моя* будетъ забота, что съ такимъ человѣкомъ сдѣлать, — гордо произнесъ Петръ. — Ну, что же, отдаешь за меня Надю?

— Петръ, родной! — заговорилъ вдругъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ Полоротовъ, убѣдившись, что Петръ не шутитъ, — да знаешь ли ты, голубчикъ, какую тягу ты снимаешь съ насъ? А что на это скажетъ твоя мать? — и голосъ старика вдругъ опять упалъ.

— О ней не беспокойся! Хоть я и никогда не выйду изъ ея воли, а только препятствовать этому она не будетъ.

— Старуха, а старуха, поди-ка сюда скорѣе, —

замахалъ обѣими руками Полоротовъ, направляясь на передній дворъ.

— Что тебѣ? — отозвалась та, съ недоумѣніемъ и чуть не со злобой глядя на оживленное лицо мужа. «Видно не жалѣеть старый свою дочь, — подумала она, — вотъ что значить отецъ, не то, что мать».

— Вотъ его спроси, послушай, что онъ тебѣ скажетъ, — указалъ старикъ на Петра.

— Тетка Арина, отдайте за меня Надю. На Ооминой же недѣлѣ, передъ выходомъ на службу и повѣнчаемся.

Старуха изумленно смотрѣла на него, какъ бы испытывая, не смѣется ли онъ надъ ихъ бѣдой, и потомъ вдругъ упала Петру въ ноги.

Что ты, тетенька Арина, Господь съ тобой! — кинулся поднимать ее Петръ.

— Спаси тебя Христось, родной мой, а я во всю свою жизнь не забуду, изъ какой бѣды ты насъ вызволяешь!

— А гдѣ Надя? — промолвилъ Петръ: — пойдемте къ ней.

— И то, и то, — заторопилась старуха: — пойдемъ соколикъ, утѣшимъ ее; вѣдь она, почитай, умарѣшилась, такъ и грохнулась давеча безъ памяти, какъ я ей сказала, что съ нами приключилось.

Надя лежала на постели, уткнувшись лицомъ въ подушки. Если бы не судорожно вздрагивавшія плечи, то со стороны можно было подумать, что она спитъ.

— Надя! — и Петръ осторожно дотронулся до ея плеча.

При звукахъ знакомаго, дорогого голоса Надя подняла голову, но воспоминаніе о случившемся больно рѣзнуло ее по сердцу и заставило еще глубже зарыться въ подушки.

— Полно, Надя, будетъ такъ убиваться, слезами горю не поможешь. Только бы намъ постъ протерпѣть, до весны дожить, а тамъ на Юминой, коли ты согласна, повѣнчаемся и знать никого не захочемъ.

Надя быстро подняла омоченное слезами лицо. — Да развѣ ты... — начала она съ загорѣвшими отъ внезапной надежды глазами.

— Что я? — перебилъ ее Петръ: — я, если ты согласна, хотя завтра же готовъ подъ вѣнецъ.

— Да, Надюша, да, родная, — вступилась молчавшая до того времени тетка Арина, — Господь насъ наказалъ за наши грѣхи, Господь же и помилуетъ. Хотѣли было лиходѣи насъ загубить, ну, да Богъ съ ними, — махнула она рукой, — не намъ ихъ судить!

Надя молча смотрѣла на Петра, и столько въ

ея взглядъ было любви, ласки, благодарности, что онъ съ трудомъ сдерживалъ свое желаніе кинуться къ ней и осыпать ее поцѣлуями.

— Ну, прощайте пока, теперь часто буду приходить. Нынче всѣмъ разскажу, пусть всѣ знаютъ, что Надя моя невѣста.

Выйдя за ворота, онъ увидѣлъ, что толпа женщинъ стояла попрежнему не убывая, потому что уходившія тотчасъ же замѣнялись другими.

— Что, тетки, зря стоите, здѣсь никакого дѣвичника нѣтъ. Вотъ когда на Юминой будетъ дѣвичникъ, тогда милости просимъ, приходите, а теперь вамъ, чай, и по домамъ пора.

— Какой дѣвичникъ? — насторожились казачки.

— Да чья свадьба-то?

— Моя, вотъ чья! Весной, говорю, приходите къ намъ на дѣвичникъ, а теперь по добру по здорovu проваливайте, — и Петръ зашагалъ домой.

— Неужто, дѣвоньки, онъ женится на Надкѣ? Да что онъ аль ополоумѣлъ?

— Вотъ тоже нашелъ себѣ невѣсту, не нашелъ въ лѣсу прямого дерева.

— И счастье же этой Надкѣ, подумаешь; не успѣлъ еще деготь на воротахъ высохнуть, а ужъ нашелся дуракъ, что женится на ней!

Казачки съ недовольными лицами стали расходиться по домамъ. И хотя всѣ онѣ были убѣждены

въ невинности Нади, но такова сила сложившагося взгляда на дѣвушекъ, въ домахъ которыхъ ворота пачкались дегтемъ; казачкамъ просто-таки было обидно, что, несмотря ни на что, такая-сякая Надька Полоротова выходитъ замужъ, да еще за такого бравого казака. Да и какъ не будетъ обидно,—сами посудите: онѣ приготовили массу соболѣзнованій, между которыми, какъ бы невзначай, проскользнули бы два—три укола, и вдругъ оказывается, что все это должно остаться подъ спудомъ. Обидно, право обидно!

— А что вы, дѣвоньки, думаете, вѣдь не спроста онъ женится на ней, право.

— А что?

— Нынче лѣтомъ корова у меня не пришла вечеромъ, я и пошла искать. Иду Переволочной рощей, а старуха-то Полоротиха что-то шаритъ по кустамъ. Я ее и спрашиваю: что молъ, тетка Арина, ты тутъ ищешь? А она буркнула мнѣ, я и не разобрала что, да и ушла отъ меня въ сторону.

— Ну, такъ что же?

— А то же, что травы такія она искала, вотъ и приворожила парня.

— А вѣдь и то, дѣвоньки, пожалуй, что такъ.

Пока продолжалась эта бабья болтовня, Петръ успѣлъ вернуться домой и здѣсь, наединѣ съ самимъ

собой, крѣпко задумался, собираясь приступить къ тяжелому объясненію съ матерью. Хотя онъ увѣрилъ Полоротовыхъ, что мать ничего не будетъ имѣть противъ его женитьбы, но на самомъ дѣлѣ зналъ, что на первыхъ порахъ она, какъ говорится, поднимется на дыбы.

— А вѣдь зря, мамонька, обидѣли Надю,—началъ онъ издалека.

— Знамо, зря,—не подозрѣвая его подходовъ, простодушно отвѣтила мать.

— И вѣдь дѣвушка-то какая была хорошая.

— Дѣвушка куда лучше, такая скромница да смиренница, что любо было со стороны посммотрѣть.

— И невѣста была хоть куда.

— Я, признаться сказать, еще зимой, до сватокъ про нее думала, да боялась только сватать идти, какъ бы Аѳанасій за нее кладку большую не заломилъ, поэтому и тебѣ ничего не говорила.

— Теперь, пожалуй, и безъ кладки отдастъ, какъ ты думаешь, мамонька?

— Знамо, отдастъ. До кладки ли тутъ? Рады радехоньки будутъ, коли такъ кто возьметъ.

— А что ты, мамонька, скажешь, коли я на ней женюсь?

Старуха испуганно взглянула на сына и замахала на него обѣими руками.

— Что ты, что ты, Господь съ тобой, оном-

нись! Аль ужъ для тебя лучше не найдется?—и, видя, что сынъ не шутить, залилась слезами.

— Сама же ты, мамонька, говоришь, что Надя ни въ чемъ не виновата, что она невѣста хоть куда, такъ что же ты не согласна?

— А то же, что замарана она; небось съ другими того не сдѣлали, что сдѣлали съ ней.

Много пришлось Петру побиться съ матерью, и нужна была вся сила ея материнской любви, чтобы она дала согласіе на такой, по ея мнѣнію, неравный бракъ. Вѣсть о томъ, что Петръ Копняевъ женится на Надѣ Полоротовой, облетѣла всѣхъ, и на первыхъ порахъ многіе не хотѣли этому вѣрить, а досужія кумушки тогда только прикусили кончики своихъ язычковъ, когда сама Копняиха подтвердила это.

— Нѣтъ, тутъ что-то не такъ, — толковали казачки,—это ужъ вѣрно, что чѣмъ-нибудь опоили парня да и старуху-то видно попотчивали. Не даромъ Арину Полоротиху Анна вечеромъ въ Переволочной видѣла. Какая баба, коли совѣсть у нея чиста, не остановится поговорить съ сосѣдкой? А это, на-ка тебѣ! Буркнула, говорить, что-то Аннѣ, да только ее и видѣли. Знамо, какіе-нибудь корешки искала, тутъ и толковать не объ чемъ.

А Полоротова Надя, не зная ничего о ходившихъ на ихъ счетъ слухахъ, весело готовила съ

помощью матери приданое и только втайнѣ вздыхала о томъ, что Петръ тотчасъ же послѣ свадьбы долженъ будетъ покинуть ее на цѣлыхъ три долгихъ года, да иногда легкое облачко набѣгало на ея лицо при воспоминаніи о незаслуженномъ ею пережитомъ позорѣ. Зато Петръ готовъ былъ благословить этотъ случай, благодаря которому онъ дѣлался счастливымъ мужемъ любимой имъ дѣвушки. И надо было видѣть, какимъ счастьемъ дышало его лицо, когда наступилъ страстно ожидаемый день свадьбы.

Спустя недѣлю сотня, въ которой находился Петръ, выступила въ походъ. Путь ея лежалъ на сыръ-дарьинскую линію въ фортъ Перовскій.

Въ составѣ этой сотни находился и Михаилъ Кудрявцевъ, который съ страннымъ упорствомъ хотѣлъ идти непременно туда, куда шелъ Петръ.

V.

4-го декабря 1864 г. въ Туркестанѣ, недавно занятомъ русскими войсками, царилъ какая-то необычная тишина, не предвѣщавшая ничего добраго. Всѣ лавки и чайханэ были закрыты, туземное население куда-то попряталось. Изрѣдка можно было видѣть казака, рысившаго съ сумкой черезъ плечо,

писаря съ лихо заломленной на самый затылокъ фуражкой да вереницу неуклюжихъ арбъ съ казеннымъ имуществомъ, конвоируемую десяткомъ солдатъ.

У воротъ комендантской канцеляріи мѣрно расхаживалъ часовой. Въ передней толпилось нѣсколько человѣкъ киргизовъ и туземцевъ. Между послѣдними выдѣлялся роскошью своего костюма сановитый аксакалъ Шарипъ-бай. Глаза его безпокойно перебѣгали съ предмета на предметъ, и онъ нервно поглаживалъ правой рукой свою небольшую сѣдую бородку. Иногда изъ сосѣдней комнаты доносилось слово, цѣлая фраза, и тогда Шарипъ-бай весь уходилъ въ слухъ, стараясь по тону голоса узнать, въ какомъ настроеніи находится этотъ ненавистный, чужеземный тюря, заставлявшій склоняться передъ собой какъ все населеніе священнаго Азрета ¹⁾, такъ и его, гордаго аксакала, къ голосу котораго такъ благоговѣйно и такъ еще недавно всѣ прислушивались.

Наконецъ, дверь въ сосѣднюю комнату отворилась, и въ ней показалась голова чиновника, переводчика изъ татаръ.

— Эй Шарипъ-бай, пойдемъ, тебя зоветъ.

¹⁾ Туркестанъ-Азретъ важенъ для мусульманъ своими святынями.

Аксакалъ вздрогнулъ, какъ бы отъ внезапнаго удара, затѣмъ, придерживая рукой висѣвшую у пояса кривую саблю въ богато украшенныхъ ножнахъ, медленно двинулся впередъ.

За столомъ, покрытымъ кускомъ шелковой матеріи, замѣнявшей собой традиціонное зеленое сукно, сидѣлъ комендантъ, сравнительно еще не старый штабъ-офицеръ. Шарипъ-бай отвѣсилъ подобострастный поклонъ и наружно спокойно сталъ ожидать, чтобы ему объяснили, зачѣмъ его позвали.

— Знаете что, Алексѣй Петровичъ,—обратился комендантъ, нисколько не смущаясь присутствіемъ вошедшаго, не понимавшаго ни слова по-русски, къ шагавшему изъ угла въ уголъ плацъ-адъютанту, — хотя и вѣрно все то, что вы говорите про эту старую лисицу, — и онъ мотнулъ головой въ сторону Шарипъ-бая, — хотя я и убѣжденъ, что онъ и плутъ и все, что хотите, но я увѣренъ, что если бы непріятель имѣлъ серьезное намѣреніе отбить у насъ Туркестанъ, то эта архибестія первый бы увѣдомилъ насъ объ этомъ.

— Вы думаете?—насмѣшливо улыбнулся плацъ-адъютантъ.

— Да какъ же, помилуйте, — закипятился комендантъ, поймавъ эту улыбку. — Я не настолько наивенъ, чтобы воображать, что онъ сдѣлаетъ это изъ пріязни къ намъ съ вами. Нѣтъ, онъ сдѣлаетъ

это ради личной, понимаете, *личной* пользы. Согласитесь сами, что теперь, то-есть пока мы, такъ сказать, хозяева этого города, положеніе Шариба, тѣфу! — плюнулъ вдругъ комендантъ, замѣтивъ невольное движеніе Шарибъ-бая при упоминаніи его имени, — такъ вотъ, я хочу сказать, положеніе его теперь довольно завидное. Мы вручили ему административную и полицейскую власть надъ здѣшнимъ населеніемъ, а вы знаете, что значить имѣть въ рукахъ власть у этого народа. Затѣмъ мы пообѣщали ему за вѣрную службу массу наградъ, а онъ навѣрное узналъ отъ нашихъ киргизовъ, что выполнять обѣщанія мы, русскіе, умѣемъ.

— А какъ вы думаете, похвалятъ его сограждане, если городъ опять перейдетъ въ ихъ руки?

— Ну, до этого, положимъ, не дойдетъ.

— Тѣмъ болѣе, что мы обладаемъ такими солидными силами: шутка ли, двѣ съ половиной роты пѣхоты и сотня казаковъ. Впрочемъ, виновать, я забылъ еще артиллерію, — съехидничалъ плацъ-адъютантъ.

— Что же, для шаякъ этихъ силъ вполнѣ и вполнѣ достаточно.

— А если нагрянетъ самъ правитель ханства, Алимкулъ, или даже часть его отряда, тогда что?

— Ну, батенька, это вы уже, извините, того... немного черезъ край хватили. У Алимкула и безъ

насъ хлопотъ довольно, да и попасть онъ къ намъ можетъ не иначе, какъ черезъ Чемкентъ, гдѣ стоять, какъ вы сами знаете, наши главные силы. Спросите Шарипъ-бая, — обратился комендантъ къ переводчику, — какова дорога къ Чемкенту и что новаго слышно о шайкахъ.

Переводчикъ задалъ нѣсколько вопросовъ аксакалу.

— Дорога? Дорога теперь безопасна, — съ непоколебимымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Шарипъ-бай, — есть небольшія шайки, но онѣ не посмѣютъ приблизиться къ обозу, около котораго будутъ бѣлые сарбазы. Алимкулъ? Алимкулъ ушелъ далеко, далеко... Онъ боится встрѣчи съ русскими и собственныя его войска разбѣгаются во всѣ стороны, видя трусость и безсиліе правителя. Что въ городѣ? Въ городѣ все спокойно и онъ, Шарипъ-бай, ручается своей головой за преданность населенія бѣлому падишаху. Почему лавки закрыты? Боятся, глупые, что русскіе начнутъ у нихъ все забирать даромъ, потому что нѣкоторые злоумышленники пустили вчера подобный слухъ. Но онъ сейчасъ же соберетъ къ себѣ всѣхъ торговцевъ и къ вечеру торговля закипитъ попрежнему.

— Что скажете на это? — обратился комендантъ къ плацъ-адъютанту, когда переводчикъ передалъ слова Шарипъ-бая.

— Я бы ему сейчас же всыпалъ дюжины двѣ казацкихъ нагаекъ, посмотрѣли бы вы тогда, что бы онъ заговорилъ,—не задумываясь отвѣтилъ плацъ-адъютантъ.

— Ну, вотъ, я такъ и зналъ; экій вы жестоковыйный человѣкъ, Алексѣй Петровичъ.

— Я все время болтаюсь по здѣшнему краю и повѣрьте, что хорошо изучилъ ихъ лукавую натуру. Прежде, чѣмъ отправлять транспортъ въ Чемкентъ, прикажите, ради Бога, сдѣлать хоть небольшую рекогносцировку, все-таки на душѣ покойнѣе будетъ: что ни говори этотъ краснобай, а такая странная тишина въ городѣ не предвѣщаетъ ничего добраго. Все это вздоръ, что будто бы жители не отпираютъ лавокъ изъ боязни, что у нихъ все заберутъ даромъ; просто-напросто чуютъ они грозу въ воздухѣ; больше и объяснить ничѣмъ нельзя, какъ только этимъ.

— Хорошо, сдѣлаемъ рекогносцировку. Я сегодня же пошлю уральскую сотню; пусть поразвѣдаютъ. Это, положимъ, не помѣшаетъ.

— Дайте имъ хоть одно орудіе на всякій случай, все-таки будетъ лучше; знаете, береженаго и Богъ бережетъ.

— Можно и орудіе; только опять-таки я вамъ повторяю, Алексѣй Петровичъ, что всѣ ваши страхи

напрасны. — Позовите ко мнѣ казачьяго вѣстового, — распорядился комендантъ.

Вошелъ Петръ Копняевъ. Немного времени прошло, какъ онъ покинулъ берега родного Урала, но степной походъ и запахъ боевой атмосферы измѣнили его наружность. Лицо его возмужало, загрубѣло, движенія стали болѣе увѣренными.

— Поѣзжай сейчасъ же къ своему сотенному командиру и скажи ему, что я прошу его пожаловать ко мнѣ.

— Здравствуйте, — привѣтствовалъ комендантъ черезъ четверть часа входившаго есаула, — я хочу васъ попросить оказать мнѣ маленькую услугу.

— Чѣмъ могу служить, полковникъ, приказывайте.

— Поѣзжайте, пожалуйста, сегодня же по Чемкентской дорогѣ и провѣрьте основательность слуховъ о появленіи коканскихъ шаскъ. Я распоряжусь, чтобы съ вами были надежные проводники киргизы; имъ можете довѣрять безусловно, это все народъ испытанный. Съ вами будетъ одинъ единокъ. Только знайте, что въ вашу задачу отнюдь не входитъ вступать въ бой съ значительнымъ скопищемъ непріятеля, если вы только встрѣтитесь съ нимъ, — улыбнулся комендантъ въ сторону плацъ-

адъютанта. — Вы должны отпугнуть только шайки мародеровъ и затѣмъ завтра же вернуться назадъ. Считаю не лишнимъ сказать вамъ, что-до самаго Чемкента у насъ стоятъ изъ преданныхъ намъ киргизовъ посты, такъ что если бы было что-нибудь похожее на то, что непріятель собирается съ силами, то мы давно были бы объ этомъ извѣщены. Во всякомъ случаѣ предосторожность никогда не помѣшаетъ, поэтому поѣзжайте. Когда вы будете готовы ?

— Я хотъ сейчасъ ; остановка только за орудіемъ.

— Отлично. За нимъ дѣло тоже не станеть, и слѣдовательно часовъ въ двѣнадцать вы успѣете выступить. Вечеромъ вы будете въ кишлакѣ Иканѣ, тамъ переночуете и утромъ назадъ.

— Возьмите съ собой двойной комплектъ патроновъ, какъ бы не пригодились,—глядя въ сторону посовѣтоваль плацъ-адъютантъ.

Въ то время Шарипъ-бай, сопровождаемый челядью, ѣхалъ въ раздумьи домой.

Превосходный аргамакъ, покрытый дорогимъ ковромъ, шелъ легкой иноходью и грызъ отъ нетерпѣнья удила, когда привычная, твердая рука хозяина замедляла его ходъ. Шарипъ-бай, видимо,

находился въ борьбѣ съ самимъ собой; онъ то задерживалъ коня, то давалъ ему волю. Разъ онъ даже совсѣмъ пріостановилъ аргамака, словно желая вернуться назадъ, но затѣмъ рѣшительно махнулъ рукой, какъ бы говоря себѣ: будь, что будетъ, и вытянулъ аргамака плетью. Тотъ взвился отъ неожиданнаго удара на дыбы, взвизгнулъ и полетѣлъ стрѣлой.

Въ высокой, прохладной комнатѣ, полъ которой былъ убранъ коврами, сидѣло человѣкъ десять гостей. Передъ каждымъ изъ нихъ дымился кальянъ. При входѣ хозяина всѣ они встрепенулись.

— Что новаго?—съ опасеніемъ спросилъ мулла, бывшій въ числѣ гостей Шарипъ-бая.

— Ничего, — отвѣтилъ Шарипъ-бай, присаживаясь къ нимъ;—невѣрныя собаки ничего не подозреваютъ и будутъ нынѣшней ночью спать спокойно, если только между нами не найдется предателя,—добавилъ онъ, обводя испытующимъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ.

— Что ты?! Да поразить Аллахъ своимъ праведнымъ гнѣвомъ того нечестиваго, кто помыслить объ этомъ!

— Всяко бываетъ,—уклончиво отозвался Шарипъ-бай, вспоминая свою недавнюю внутреннюю борьбу, когда онъ совсѣмъ было рѣшился ѣхать назадъ къ коменданту съ доносомъ: — у невѣрныхъ

много золота, а ради золота человѣкъ на многое можетъ рѣшиться.

— Правда твоя, Шарипъ-бай, — съ горечью проговорилъ одинъ изъ гостей, — киргизы такіе же мусульмане, а служатъ бѣлымъ рубахамъ противъ своихъ братьевъ по вѣрѣ. Не будь этого, много бы легче было справиться съ гяурами; они, какъ ищейки, всюду шляются, вездѣ суютъ свой носъ и по ихъ винѣ намъ не удастся напасть врасплохъ на русскихъ.

— Зато теперь многіе изъ нихъ попали къ нашимъ въ руки, — перебилъ Шарипъ-бай.

— Что же, Шарипъ-бай, — обратился къ хозяину мулла, — пора рассказать всѣмъ, зачѣмъ ты ихъ позвалъ.

— Говори самъ; ты только что *оттуда*, все видѣлъ и лучше моего скажешь.

— Хорошо, — согласился мулла, — пожалуй такъ будетъ лучше.

— Правовѣрные, — поднялся онъ на ноги, — я только сегодня прибылъ отъ Алимкула передать вамъ его волю. Онъ близко, онъ гораздо ближе, чѣмъ вы думаете... Сегодня вечеромъ онъ придетъ въ Иканъ, а завтра на разсвѣтѣ онъ будетъ здѣсь.

Если бы бомба разорвалась среди присутствующихъ, то и она не произвела бы такого впечатлѣнія, какое произвели эти слова. Всѣ, конечно, питали

надежду, что правитель ханства освободить ихъ отъ русскихъ, но въ то же время все знали, что онъ ушелъ на югъ, въ Коканъ, и вдругъ Алимкулъ здѣсь, въ какихъ-нибудь тридцати, двадцати верстахъ!

— Правовѣрные, — продолжалъ мулла, — у Алимкула десять тысячъ отборныхъ воиновъ. Невѣрные не знаютъ о его приближеніи, потому что все ихъ посты перерѣзаны нашими джигитами отъ самаго Чемкента вплоть до Азрета. Гяуровъ немного и побѣда будетъ легка, если вы поможете Алимкулу и отворите ему ворота города. Смотрите, до чего мы дожили: русскіе распоряжаются нами, какъ рабами, и Азретъ съ его святынями въ рукахъ не вѣрныхъ! Горе тому, кто не исполнить волю правителя и не поможеть братьямъ истребить враговъ! Что же, — закончилъ мулла, — я долженъ отвѣтить Алимкулу? Можетъ ли онъ разсчитывать на васъ?

Пламя фанатизма охватило всехъ.

— Смерть гяурамъ! Смерть невѣрнымъ собакамъ! Смерть тому, кто станетъ на ихъ сторону!

— Если бы, — заговорилъ мулла, и въ голосъ его послышалось неподдѣльное горе, — мы всегда были такъ единодушны, если бы русское золото не имѣло доступа къ нашимъ сердцамъ, никогда бѣлые рубахи не осмѣлились бы вступить

въ нашу страну. Итакъ, будьте готовы! на разсвѣтъ мы придемъ и съ помощью Аллаха очистимъ нашъ священный городъ.

Чрезъ полчаса собраніе разошлось, не подозрѣвая, что слуга Шарипъ-бая, озираясь пугливо по сторонамъ, бѣжалъ къ коменданту съ донесеніемъ о тайномъ совѣщаніи аксакаловъ, вполне справедливо рассчитывая получить за это хорошій бакшишъ.

VI.

Часа въ два пополудни по направленію къ кишлаку Икану двигался небольшой рекогносцировочный отрядъ. Впереди колонны ѣхали три вожака киргиза и два офицера.

— Думается мнѣ попусту мы проѣздимъ, — обратился есаулъ къ своему субалтернъ-офицеру. — Какихъ-нибудь верстъ десять осталось до Икана, не болѣе, а о коканцахъ и слуха нѣтъ.

— Подожди еще горевать, можетъ быть и удастся тебѣ сегодня Георгія схватить. Ты знаешь, я вообще не робкаго десятка парень и не вѣрю ни въ чохъ, ни въ сонъ. А между тѣмъ что-то говоритъ мнѣ, что я не вернусь обратно въ Туркестанъ.

— Перестань чепуху городить, просто у тебя нервы не въ порядкѣ.

— Ну, братецъ, не туда попалъ. На счетъ сихъ послѣднихъ я сильно сомнѣваюсь есть ли они у меня, и думаю, что вмѣсто нихъ у меня какое-нибудь вервие. И все-таки меня давить какая-то тоска. Раньше за собой я никогда ничего подобнаго не замѣчалъ.

— Тюря,— прервалъ ихъ разговоръ вожакъ,— видишь вонъ кто-то шибко, шибко скачетъ? Позволь намъ выѣхать впередъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте.

Киргизы съ мѣста сорвались въ карьеръ. Сотня продолжала идти шагомъ.

— Смотри, какъ улепетываютъ назадъ наши вожаки,— указалъ сотникъ,— что бы это такое значило?

— Тюря, — подскакалъ на запаленномъ конѣ какой-то незнакомый киргизъ, — вертайся скорѣе назадъ, Алимкулъ идетъ.

— Какъ Алимкулъ? Да ты самъ-то откуда, кто ты такой? — уставился подозрительно на него есаулъ.

— Мы трое стояли вонъ за тѣмъ кишлакомъ,— махнулъ киргизъ назадъ рукой,— комендантъ такъ велѣлъ. Двухъ моихъ товарищей схватили, зарѣзали почти на моихъ глазахъ; я чуть-чуть отъ

этого ушелъ,—краснорѣчиво показалъ онъ на свое горло.

— Что за ерунда, просто не поймешь ничего. А много коканцевъ?

— Ой-ой! — затрясъ головой киргизъ и даже зажмурилъ глаза, — считать нельзя, умъ кончаешь.

— Что же намъ дѣлать? — обратился есаулъ къ своему товарищу.

— Что дѣлать, ѣхать впередъ. Ты знаешь, какіе мастера эти косоглазые преувеличивать. Шайка въ двѣсти-триста человѣкъ могла показаться ему за цѣлую армію.

— Оно, положимъ, это вѣрно. Вахмистръ! Вышли впередъ и по бокамъ усиленные патрули.

Отрядъ тронулся впередъ со всѣми мѣрами предосторожности. Смѣхъ и шутки въ рядахъ смолкли. Лица всѣхъ стали серьезными. До кишлака Икана осталось не болѣе двухъ верстъ. Начинало смеркаться.

— Ваше благородіе, — подлетѣлъ казакъ изъ передового разѣзда, — за Иканомъ огни, видимо-невидимо, — конца краю имъ нѣтъ.

— Эй, Токсабай, — крикнулъ есаулъ жоака: — поѣзжай впередъ, разнюхай хорошенько въ чемъ дѣло и сейчасъ же назадъ. Сотня стой! Оправиться и приготовиться!

Послышался отдаленный топотъ скачущихъ во

всю прыть лошадей. — «Наши скачутъ, — перешептывались казаки, — не иначе, какъ наткнулись вплотную... ишь, какъ запаливаютъ.

— Тюря, — какъ сумасшедшій подскакалъ Токсабай, сопровождаемый разѣздомъ, — коканцы тамъ, много, много... пропали мы... айда скорѣе назадъ, можетъ быть успѣемъ.

— Слѣзай! — загремѣла команда; — батуй лошадей и клади ихъ.

Казаки спѣшились и образовали изъ положенныхъ на землю лошадей кругъ; единорогъ поставили въ середину. «Ого!» встрепенулся вахмистръ и припалъ ухомъ къ землѣ.

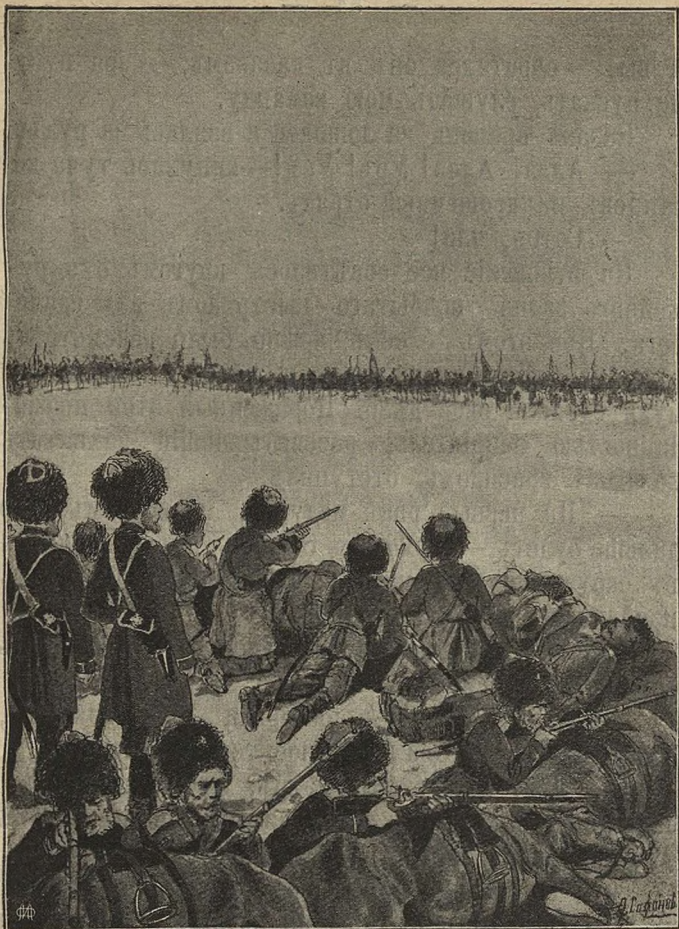
— Ваше благородіе, скачутъ къ намъ; сейчасъ, должно быть, на уру пойдутъ.

Послышался отдаленный гулъ. Будто лавина катилась съ вершины горы или бѣшеный потокъ прорывалъ сдерживавшую его плотину. Земля загудѣла отъ десятковъ тысячъ конскихъ копытъ; воздухъ задрожалъ отъ дикихъ завываній коканцевъ.

— Влопались, нечего сказать, какъ-то Богъ поможетъ выбраться, — слышалось въ рядахъ казаковъ.

— Н-да, видно придется Николаю угоднику свѣчку поставить, коли выйдешь живымъ изъ этой каши, — соображалъ кто-то вслухъ.

— Картечь! — коротко распорядился есаулъ. —

Казачи спѣшились и образовали изъ положенныхъ на землю лошадей кругъ.

А вы, — обратился онъ къ казакамъ, — зря пулю не пускать, слушать мою команду.

Казаки припали за лошадей и взялись за ружья.

— Алла! Алла! Урь! Урь! — кинулась туча коканцевъ на крошечный отрядъ.

— Сотня, пли!

На мгновеніе все освѣтилось кругомъ отъ ружейнаго залпа, покрытаго выстрѣломъ изъ единого рога. При этомъ блескъ можно было разсмотрѣть кучу барахтающихся людей и лошадей. Картечь и пули сдѣлали свое дѣло. Пораженный этой неожиданностью непріятель, расчитывавшій захватить казаковъ врасплохъ, отступилъ.

— На первый разъ недурно, посмотримъ, что дальше будетъ, — бормоталъ сотникъ, вглядывавшійся въ окружающую темноту, чтобы опредѣлить хоть приблизительно силы врага.

Казаки торопливо заряжали ружья. — Ишь опять завылъ, опять на уру пошелъ.

— Алла, Алла! — ободряли себя коканцы, устремляясь на едва замѣтное темное пятно.

— Пли! — Дружный залпъ, громъ пушечнаго выстрѣла, и коканцы снова разсѣялись въ разныя стороны, какъ листья, гонимые осеннимъ вѣтромъ.

— Что, видно не пьешь! — смѣялись казаки.

— Онъ этого страсть не любитъ, — пояснялъ одинъ бывалый своему молодому товарищу, — осо-

бливо коли ему прямо въ рожу пыхнешь; это ему хуже всего.

— Опять, опять пошелъ! — Снова бѣшенный, но не стройный натискъ, снова тотъ же стойкій отпоръ. Этого было достаточно: коканцы не рѣшались больше нападать на горсть смѣльчаковъ и обложили ихъ кругомъ густой, непроницаемой стѣной.

— Ну, теперь не скоро *онъ* насъ выпустить, — кряхтѣли недовольно уральцы: — теперь онъ заморить словно тюльку ¹⁾ въ норѣ, коли выручка изъ города не подоспѣетъ.

Непріятель открылъ огонь изъ пушекъ и фальконетовъ. Гранаты и ядра начали ложиться довольно близко. Вотъ забилась судорожно лошадь въ предсмертной агоніи. Одно ядро ударилось и зарылось въ землю около сотника.

— Плохо, братъ, — обратился онъ къ товарищу, закуривая папироску.

— Чего хуже, — согласился тотъ: — придется до разсвѣта служить мишенью этимъ дьяволамъ. Нечего и думать, чтобы въ такую темноту двинуться куда-нибудь.

— Какъ ты думаешь, слышать ли въ городѣ нашу пальбу?

¹⁾ Тюлька — лиса.

— Н-не думаю, вѣдь отсюда до Туркестана почти двадцать верстъ, а впрочемъ... Ахъ, дьяволы! какъ мѣтко стрѣляютъ; нужно будетъ отплатить имъ той же монетой; просто обидно стоять сложа руки въ пріятномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ тебя подстрѣлятъ. Ну-ка, братцы,— обратился командиръ къ артиллеристамъ, — попотчуйте этихъ бритоголовыхъ.

Солдатики засуетились около орудія. Бумъ! грохнулъ единорогъ, и у передка сломалось колесо.

— Фью-ю!—засвиствѣлъ сотникъ,—вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день. Нѣтъ, уже коли не повезетъ, такъ...—и онъ выругался такъ, какъ только умѣетъ ругаться казакъ.

— Ахъ ты, язвой те не убьетъ,—встревожились казаки, разглядывая сломанное колесо,—вотъ не было печали...

— Расходись, расходись на свои мѣста,—разогналъ вахмистръ столпившихся около пушки казаковъ;—что столпились аль хотите, чтобы онъ ловчѣе въ васъ угодилъ?

— Да, вѣдь, онъ все одно не угодитъ, гдѣ ему! У него глаза косые, разбѣгаются ровно у зайца.

— Ну, ну, поговори еще у меня.

Пальба со стороны непріятеля продолжалась безостановочно.

— Что *ему* не палить-то, знай себѣ попаливай; патроновъ-то, чай, воза.

Долго, безконечно долго тянулась для казаковъ эта ночь. Чутко прислушивались они къ малѣйшему шороху, боясь, какъ бы непріятель къ нимъ не подползъ и не бросился неожиданно, на что народы средней Азіи великіе мастера. Жалѣя заряды, уральцы ни однимъ выстрѣломъ не отвѣтили коканцамъ, и со стороны послѣднихъ можно было подумать, что стрѣльба производится по пустому мѣсту. Но, наученные горькимъ опытомъ, коканцы знали, что хитрые гяуры только притаились и градъ свинца встрѣтить смѣльчаковъ, которые рѣшатся напасть на нихъ.

Наконецъ на небѣ сверкнула розовая полоска. Прошла безконечная ночь, и казаки могли оглядѣться. То, что представилось ихъ глазамъ, могло навести ужасъ на самыхъ неробкихъ людей. Кругомъ ихъ виднѣлись несмѣтныя толпы коканцевъ, и сотня казалась небольшимъ островкомъ, затеряннымъ среди безграничнаго пространства моря, моря людей и лошадей...

— Экъ ихъ сколько! Да тутъ сколько ни бей, все равно всѣхъ не перебьешь; одно слово—туча, глазомъ не окинешь.

Непріятель зашевелился. Раздались визгливые

звуки рожковъ. Коканцы садились на коней и приготавливались къ новому натиску.

— Смотри, смотри, это должно быть Алимкулъ съ своей свитой, — вскрикнулъ сотникъ, указывая на толпу всадниковъ, выѣхавшихъ на небольшой пригорокъ.

— Онъ будетъ, онъ! Видишь, какъ всѣ разодѣты... Вонъ, въ срединѣ, на бѣломъ аргамакѣ, видишь? Такъ, такъ, не кто иной, какъ Алимкулъ. Эхъ! ссадить бы молодца, вотъ бы важно было.

— Что же, — измѣрилъ глазами разстояніе есауль, — это, пожалуй, можно будетъ; тутъ не болѣе пяти — шестисотъ шаговъ. Братцы, — обратился онъ къ казакамъ, — кто сшибетъ вонъ того, что на мару на бѣломъ аргамакѣ, тотъ получить георгіевскій крестъ. Кто возьмется? Только смотрите, кто не надѣется на себя, тотъ лучше не берись, чтобы зря не испугать. Кто же?

Казаки нерѣшительно переглядывались между собой.

— Парфеновъ хорошо стрѣляетъ, ему бы, — проговорилъ кто-то.

— Парфеновъ, Парфеновъ, — поддерживали другіе. — Что же ты, Парфеновъ, выходи; вѣдь мы знаемъ, что ты первѣющій сайгачникъ.

Парфеновъ коренастый, чернобородый, казакъ,

какъ-то нехотя поднялся и подошелъ къ офицерамъ.

— Можешь ссадить его съ лошади?

— Не знаю, какъ сказать, далеко, да и солнышко бьетъ прямо въ глаза, какъ разъ, пожалуй, сфальшишь. Какъ бы не солнышко, оно бы ничего, можно, а теперь наврядъ. Все-таки попытаться можно; можетъ, Богъ поможетъ, и убью.

— Пробуй.

— Господи благослови,—проговорилъ Парфеновъ, опускаясь на колѣно около одной изъ лежавшихъ лошадей, кладя на сѣдло стволъ винтовки и начиная цѣлиться. Казаки переводили глаза съ дула винтовки на гордо красовавшагося, ничего не подозрѣвавшаго всадника. Всѣмъ казалось, что Парфеновъ что-то ужъ слишкомъ долго цѣлится.

— Нѣтъ,—промолвилъ вдругъ онъ, отрывая отъ плеча прикладъ ружья,—въ глазахъ рябитъ, никакъ не уловишь на мушку.

— Все равно стрѣлай; будь, что будетъ.

Грянулъ выстрѣлъ. Бѣлый аргамакъ взвился на дыбы и упалъ.

— Убилъ, убилъ!—радостно закричали нѣкоторые молодые казаки.

— Чего зря орете,—охладили ихъ болѣе опытные,—какъ бы въ батыря попалъ, такъ лошадь цѣла бы осталась, а это вишь, сфальшилъ,—не батыря, а аргамака убилъ.

Дѣйствительно Парфеновъ промахнулся и подбилъ подъ Алимкуломъ лошадь. Испуганная падениемъ предводителя, свита его шарахнулась было во всѣ стороны, но, увидавъ, что онъ поднялся здоровъ и невредимъ, снова окружила его, и черезъ минуту приговоръ опустѣлъ.

— Жалко, что промахнулся,—толковали уральцы,—глядишь, какъ бы убилъ, такъ они скорѣе бы насъ оставили въ покоѣ, а теперь разсердятся на насъ страсть какъ!

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ предположений коканцы открыли усиленный огонь.

Теперь, при дневномъ освѣщеніи, несмотря на плохое качество орудій и неумѣнье артиллеристовъ, огонь ихъ сталъ дѣйствительнѣе. Почти всѣ лошади были уже перебиты. Появилось много раненыхъ, которые хотя и не выпускали изъ рукъ оружія, но, тѣмъ не менѣе, положеніе становилось критическимъ.

Жажда начинала мучить казаковъ; подъ ихъ ногами былъ снѣгъ, но онъ до того былъ пропитанъ кровью, что никто не рѣшался освѣжить имъ свой ротъ. Вдругъ толпы коканцевъ начали рѣдѣть; большая часть ихъ уходила по направленію къ Туркестану.

Непріятель, видимо, рѣшился убить въ одно и то же время двухъ зайцевъ: взять городъ, не вы-

пуская изъ рукъ вѣрную, какъ ему казалось, добычу—уральцевъ. Расчетъ этотъ, на первый взглядъ, былъ вѣренъ, потому что силъ для того и другого было болѣе, чѣмъ достаточно.

— Теперь на помощь нечего надѣяться,—сообразжалъ сотникъ, слѣдя за удалявшимися толпами неприятеля,—гарнизону самому только въ пору отбиться. Помогите, Господи, имъ удержаться! — снявъ папаху, набожно перекрестился онъ.

— А мы что будемъ дѣлать?—спросилъ есаулъ.

— Мы?—умирать,—просто отвѣтилъ сотникъ.

— Дѣйствительно, больше ничего не остается.

УІІ.

Отправивъ на развѣдки сотню, комендантъ все-таки безпокоился немного за нее.

— Оно хотя, положимъ, все и спокойно,—озабоченно размышлялъ онъ, сидя въ своей квартирѣ ночью съ плацъ-адъютантомъ за стаканомъ чая,—а все-таки... Здѣсь, вѣдь, не правильная война, чортъ ихъ побери,—выругалъ онъ отъ всего сердца коканцевъ. — Здѣсь все идетъ наизуворотъ, всего можно ожидать. Ну, да въ случаѣ чего, есаулъ отступить; уральцы народъ травленный?

— Ваше высокоблагородіе, киргизъ сейчасъ при-

скакалъ, требуетъ васъ видѣть; по самому нужнѣйшему дѣлу говорить, — отпартовалъ вошедшій денщикъ, прервавъ нить размышленій коменданта.

— Киргизъ, откуда?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, киргизъ. Прискакалъ это онъ сейчасъ, и лошадь у него у крыльца сдохла; должно здорово загналъ онъ ее, а самъ такъ сюда прямо и претъ.

— Позови его сюда, а самъ живо за переводчикомъ.

Вошелъ киргизъ. Потъ крупными каплями катился съ его лица, и онъ заговорилъ что-то скоро, скоро, отчаянно размахивая руками.

— Подожди, — остановилъ его рукой комендантъ. — Спроси его, — кивнулъ онъ головой на киргиза вошедшему переводчику, — въ чемъ дѣло.

— Что онъ говорить? — нетерпѣливо спросилъ плацъ-адъютантъ, замѣтивъ, что лицо переводчика по мѣрѣ разсказа киргиза все болѣе и болѣе вытягивалось.

— Если вѣрить его словамъ, то всѣ наши посты вырѣзаны и уральская сотня попалась въ руки къ Алимкулу.

— Какъ такъ? — привскочилъ со стула комендантъ.

— Такъ, самъ Алимкулъ идетъ сюда и того гляди нагрянетъ на насъ.

— Быть не можетъ! — схватился за голову комендантъ.

— Стойте, прислушайтесь; неужели я ошибаюсь, — прервалъ ихъ плацъ-адъютантъ.

Всѣ замерли. Бу-умъ! чуть слышно донеслось со стороны Икана. Еще, еще... Нѣтъ никакого сомнѣнія, то пушечные выстрѣлы.

— Отбиваются, — шопотомъ прохрипѣлъ комендантъ, — на долго ли ихъ станеть, бѣдныхъ? Идемъ сейчасъ же въ канцелярію; нужно будетъ созвать всѣхъ офицеровъ и принять всѣ мѣры предосторожности.

Мѣры были приняты. Тотчасъ же арестовали Шарипъ-бая и его сообщниковъ, по указанію сдѣлавшаго наканунѣ доносъ слуги. На стѣнахъ поставили дежурныя части. Семейства перевели въ цитадель. Всю ночь комендантъ и офицеры не расходились и всю ночь слышался отдаленный гулъ пушечной пальбы, то затихавшей, то разгоравшейся съ новой силой. Гулъ доносился съ одного и того же мѣста и для всѣхъ, начиная съ офицеровъ и кончая послѣднимъ рядовымъ, было ясно, что стойко держатся уральцы и дорого достанется Алимкулу побѣда надъ ними. Ночь въ городѣ прошла сравнительно спокойно. Утро застало всѣхъ на ногахъ. Пальба не прекращалась и у всѣхъ невольно сжималось сердце. Каждый представлялъ

себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ и надеждой, будь на мѣстѣ уральцевъ, поглядывалъ бы онъ въ сторону города, ожидая прибытія подкрѣпленія.

— Нѣтъ, не могу, — не выдержалъ наконецъ комендантъ. — Хотя это и ослабитъ силу гарнизона и можетъ подвергнуть опасности городъ, но все-таки мы должны помочь бѣднымъ уральцамъ. Капитанъ! Идите со своей ротой и двумя орудіями на помощь къ казакамъ. Но если вы замѣтите, что непріятель отрѣзываетъ вамъ путь отступленія и грозитъ городу, тогда вы... ну, да, тогда вы отступите и оставите уральцевъ на произволъ судьбы, — докончилъ комендантъ упавшимъ голосомъ. Последнія слова не шли у него съ языка и больно ударили они по сердцу каждого, несмотря на сознаніе, что комендантъ правъ, что защита города должна стоять на первомъ планѣ.

По выступленіи роты у всѣхъ на душѣ стало спокойно. Начали надѣяться, что рискованное предпріятіе удастся. Всѣ находились на стѣнѣ и наблюдали за удалявшимся отрядомъ, который прошелъ благополучно верстъ пять. Вдругъ со стороны Икана появились черныя точки и усѣяли собой все поле. Эти точки, какъ ночныя бабочки около огня, закружились около одного пятна. Надъ этимъ пятномъ показалось бѣлое кольцо, медленно расплывавшееся въ воздухѣ. Не успѣло онъ исчезнуть, какъ появи-

лось другое. А вотъ донеслась частая, сухая трескотня ружейныхъ выстрѣловъ. Лица зрителей стали угрюмыми. Къ заботѣ о казакахъ, прибавилась еще забота объ ушедшей ротѣ. Небольшія шайки появились около самыхъ стѣнъ. Рота уходила все дальше и дальше. Трескотня перестала быть слышной, пушечные выстрѣлы замирали вдали. Оставшіеся въ городѣ избѣгали говорить другъ съ другомъ, опасаясь получить отъ другихъ подтвержденіе своихъ опасеній: «что будетъ съ нами, если Алимкуль уничтожить *тыхъ*».

Солнце поднималось все выше и выше. Наступилъ полдень. Жажда и усталость изнуряли силы казаковъ, но они должны были терпѣливо переносить это, такъ какъ непріятель не давалъ имъ ни минуты покоя. Нечего было и думать о томъ, чтобы сомкнуть хоть на минуту глаза или выйти за черту круга за свѣжимъ снѣгомъ. Половина патроновъ была израсходована и приходилось беречь каждую пулю. Въ особенности нужно было дорожить пушечными снарядами.

Рѣшили стрѣлять только по начальникамъ, которыхъ не трудно было узнать по богатству одежды и по значкамъ. Для этой цѣли выбрали лучшихъ стрѣлковъ, и не одинъ знатный коканецъ поплатился головой за свою смѣлость подѣхать поближе къ

казакамъ. Орудіе перетаскивали съ мѣста на мѣсто на рукахъ, но это мало помогало дѣлу. Положеніе часъ отъ часу становилось хуже, и только одно чудо или скорое прибытіе тщетно ожидаемой помощи могло спасти отъ неминуемой гибели храбровъ. Чу!.. далеко, далеко со стороны города донесся какъ будто пушечный выстрѣлъ. Немного спустя другой, третій... Что это? Ожидаемая помощь или же непріятель старается овладѣть городомъ? Казаки насторожились. Въ это время они какъ бы не слышали ни своей, ни непріятельской стрѣльбы, а только жадно ловили ухомъ звуки, доносившіеся оттуда, отъ своихъ. Выстрѣлы приближаются; сомнѣнія нѣтъ, помощь близка.

— Слава тебѣ, Господи! наши идутъ,—и всѣ, какъ одинъ, сняли папахи и перекрестились. Мрачная сосредоточенность исчезла, слышались веселыя шутки. Коканцы, боясь, что добыча ускользнетъ, нападали настойчивѣе. Чаше и чаще приходилось прибѣгать къ единорогу, а помощь приближалась что-то слишкомъ медленно.

Въ это время среди коканцевъ слышались радостные, торжествующіе крики.

— Ишь, зааллакали, пострѣли ихъ заразой въ самую глотку,—не утерпѣлъ одинъ изъ казаковъ.

— Это, смотри, что-нибудь не просто обрадовались.

— Знамо, не спроста; не валить ли еще къ нимъ сила.

По лицу сотника пробѣжала судорога. — Наши отступаютъ, — глухо проговорилъ онъ. — Эхъ! и всего-то не дошли до насъ какихъ-нибудь три, четыре версты. — Дѣйствительно, стрѣльба начала отдаляться и наконецъ смолкла вдали.

Казаки опять остались одни среди десяти-тысячной толпы незнающаго пощады дикаго непріятеля. Раньше ихъ поддерживала надежда на прибытіе подкрѣпленія; теперь и эта надежда покинула ихъ. Велико было разочарованіе, но казаки не пали духомъ.

— Э, что тутъ печалиться! Хуже смерти не будетъ, а ея все равно не миновать, когда-нибудь придется, умирать, — наружно спокойно, даже весело обратился сотникъ къ притихнувшимъ казакамъ.

— Самая правда, отъ этого никуда не уйдешь.

— Кому гдѣ писано, тотъ тамъ и умереть; безъ Божьей воли ничего не дѣлается.

— Только, братцы, смотрите, живыми въ руки не даваться. Коли что, избави Богъ, лучше пусть товарищи прикончатъ: все лучше отъ своей руки конецъ принять, чѣмъ къ басурманамъ попасться.

— Не придется гололобымъ похвастаться нами; солоны придутся имъ наши поминки.

Огонь вдругъ затихъ и съ непріятельской стороны выѣхалъ всадникъ, держа вверхъ остріе пики, къ которому былъ привязанъ кусокъ бѣлой матеріи.

— Переговорщикъ, братцы, выѣхалъ; должно хочеть улестить насъ чѣмъ ни на есть.

— Дудки, не на таковскихъ попалъ.

Шагахъ въ двадцати отъ казаковъ парламентъ остановился.

— Токсабай, выйди къ нему, спроси, что ему нужно,—приказалъ есауль вожаку.

Тотъ вышелъ за черту круга, перекинулся нѣсколькими словами съ коканцемъ и вернулся съ письмомъ въ рукахъ.

— Алимкулъ тебѣ пишетъ; велѣлъ отвѣтъ прислать,—передалъ онъ письмо есаулу.

— Алимкулъ! Это интересно,—и есауль развернулъ письмо.

«Куда ты теперь уйдешь?» писалъ Алимкулъ. «Изъ Азрета былъ къ тебѣ посланъ отрядъ, но я его весь уничтожилъ, да и самый Азретъ завтра будетъ въ моихъ рукахъ. Половина твоихъ воиновъ перебита, и если будешь упорствовать, то не останется ни одного. Сдайся, прими нашу вѣру и вамъ всѣмъ будетъ хорошо, а ты будешь у меня большимъ начальникомъ. Сдавайся».

Есауль досталъ изъ записной книжки каран-

дашь, опустился на одно колѣно и быстро черкнулъ на письмѣ нѣсколько словъ.

— Вотъ, что хорошо, то хорошо,—одобрилъ сотникъ, глядѣвшій черезъ плечо.

— Братцы,—обратился командиръ къ казакамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣвшимъ на него,—слушайте, что пишетъ Алимкуль!

— Ахъ онъ, сволочь эдакая!—посыпались возгласы негодованія, ты смотри, что выдумалъ: перемѣнить вѣру, шутка сказать!

— Теперь слушайте отвѣтъ мой къ нему,—высылъ голосъ командиръ, когда общее негодованіе немного улеглось. Всѣ смолкли.

— Онъ пишетъ: сдавайся! а я ему написалъ: убирайся къ чорту!

Раздался такой взрывъ единодушнаго хохота, что лошадь парламентаря, терпѣливо ожидавшаго отвѣта, испуганно шарахнулась въ сторону.

— Токсабай, передай ему отвѣтъ и скажи, чтобы больше не являлись.

Коканецъ поспѣшно уѣхалъ.

— Вотъ это такъ кинется ему въ носъ.

— Ну и озвѣрѣетъ онъ теперь, страсть!

— Не по скусу придется, зачешетъ у себя въ затылкѣ-то.

— Теперь баста; теперь готовься только къ

смерти, а выбраться отсюда и думать не могли, потому больно ужъ обидѣли его, на дыбы встанеть.

— Не сладко и тому умирать, у кого нѣтъ ни позади, ни впереди, а каково умирать тому, у кого дома осталась разлапушка молодая жена,—замѣтилъ, словно про себя, Кудрявцевъ, кинувъ искоса взглядъ на Петра Копняева.

Послѣ той достопамятной ночи они хоть и встрѣчались изрѣдка, но, какъ бы по взаимному уговору, старались, чтобы встрѣчи эти были какъ можно рѣже и короче.

Во время похода они были въ разныхъ десятикахъ и имъ мало приходилось сталкиваться другъ съ другомъ. Сначала Петръ хотѣлъ было сгоряча *рѣшить* Кудрявцева, но потомъ одумался.

«Кто ее знаетъ, онъ ли это сдѣлалъ, а може и не онъ; пожалуй, зря грѣхъ на душу примешь», размышлялъ онъ и рѣшился махнуть на все это рукой. Насмѣшливыя слова Кудряцева больно отозвались въ душѣ Копняева. «Прощай, Надя»; съ грустью подумалъ онъ, «не судилъ видно Богъ намъ съ тобой вмѣстѣ пожить на бѣломъ свѣтѣ. Что-то ты теперь дѣлаешь? Чуетъ ли твое сердце, что мы попали въ капканъ, изъ котораго намъ не выбраться? Прощай, мамонька прости, родная!» Пролетѣвшая около самага уха пуля заставила его оторваться отъ мрачныхъ мыслей и вернуться къ не

менѣе мрачной дѣйствительности. Озлобленные канцы усилили стрѣльбу, на которую уральцы не отвѣчали и только скрипѣли отъ злости зубами, когда непріятельская пуля попадала въ кого-либо изъ товарищей.

Такъ прошелъ еще одинъ томительный, безконечный день, день безъ отдыха, сна и пищи. Во рту у всѣхъ пересохло отъ жажды, головы горѣли. Особенно тяжело было раненымъ. Въ сумеркахъ казаки замѣтили, что въ непріятельскомъ станѣ усилилось движеніе. Слышался скрипъ колесъ, поноуканье лошадей.

— Хворостъ съ камышомъ возить, — разглядѣли уральцы, — только этого одного и не доставало.

— Все-таки по крайности хоть конецъ скоро будетъ, — проворчалъ угрюмо стоявшій рядомъ съ Петромъ старый казакъ и, взглянувъ на небо, вздохнулъ и перекрестился.

— Какой конецъ, дядя, отчего? — спросилъ Петръ.

— Развѣ ты не видишь, что *онъ* на арбахъ возить?

— Видѣть-то вижу, да въ толкъ не возьму, зачѣмъ *ему* камышъ съ хворостомъ понадобился.

— А затѣмъ, что онъ задумалъ идти подъ насъ *подкатомъ*. Завтра онъ насъ всѣхъ рѣшить, это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго.

— Какъ подкатомъ?

— Такъ, понадѣлаеть себѣ такихъ щитовъ, что ихъ, пожалуй, и пулей не прошибешь, да за этими щитами и подберется къ намъ. Эту бывальщину-то мнѣ приходилось видать.

Дѣйствительно коканцы, не рѣшаясь изъ боязни большѣй потери на открытый штурмъ, задумали прибѣгнуть къ хитрости и идти къ казакамъ, по мѣткому выраженію послѣднихъ, *подкатомъ*.

Казаки поняли всю опасность положенія, но это нисколько не повліяло на ихъ рѣшимость лечь всѣмъ до послѣдняго человѣка, но не сдаться въ плѣнъ.

— Такого срама никогда еще не было,—разсуждали они,—чтобы цѣлая сотня сдалась поганымъ нехристямъ въ плѣнъ; послѣ этого мы не казаки будемъ, а бабы. Этимъ мы все наше войско осраимъ. Лучше ужъ помереть всѣмъ; по крайности насъ тогда на Яикѣ никто худымъ словомъ не помянетъ.

Наступившая темнота не позволила непріятелю привести въ исполненіе своего намѣренія, и у казаковъ была впереди цѣлая ночь, послѣдняя ночь, какъ это знали они всѣ. Офицеры знали это лучше другихъ и рѣшили испытать послѣднее средство. Вопреки здравому разсудку, они старались убѣдить себя, что въ городѣ не знаютъ объ ихъ отчаян-

номъ положеніи и если удастся дать туда вѣсть, то помощь явится немедленно.

— Братцы, — заговорилъ есаулъ, — въ городѣ, можетъ быть, не знаютъ, что мы бьемся здѣсь съ коканцами вотъ уже два дня. Тамъ, пожалуй, чего добраго, думаютъ, что мы ушли куда-нибудь далеко за Иканъ, и ругаютъ насъ за нашу горячность. Нужно во что бы то ни стало пробраться сквозь непріятеля въ городъ, и тогда мы будемъ спасены. Кто возьмется?—выходи.

— Я пойду, — выступили одновременно три бородача.

— Я тоже, тюря, пойду, — выдвинулся впередъ вожакъ Ахметъ.

— Ты, Мизиновъ, останься, — остановилъ есаулъ одного изъ охотниковъ, крайне слабаго здоровьемъ, — а вы, Борисовъ, Коноваловъ и Ахметъ, съ Богомъ! Берите любыхъ лошадей, какія еще у насъ остались, и поѣзжайте. Скажите тамъ, что до половины завтрашняго дня мы еще какъ-нибудь продержимся, а далѣе нѣтъ.

— На, вотъ, Борисовъ, возьми мой револьверъ, пригодится.

— А тебѣ, вотъ мой, — протянулъ сотникъ свой револьверъ Коновалову.

Охотники исчезли во тьмѣ. Минуть черезъ десять послышалось улюлюканье, словно коканцы

травили какого-нибудь звѣря, и посланные во весь духъ прискакали обратно,

— Никакъ нельзя верхомъ,—заявилъ Борисовъ, спрыгивая съ лошади,—нужно будетъ ползти. Дозвольте, ваше благородіе, я одинъ попробуюсь.

— Ты ползешь, и я ползу; я тоже ползать умѣю,—обидѣлся Ахметъ.

— Дозвольте и мнѣ съ ними,—вызвался приказный Черновъ.

— Хорошо, иди.

— Дозвольте, ваше благородіе, у антиллеристовъ холстъ взять; у нихъ есть.

— Для чего тебѣ холстъ?

— Больно ужъ вездѣ они натяканы, проклятые, такъ если ползти, скоро замѣтятъ, а если мы обернемся холстомъ, насъ и не будетъ на снѣгу-то видно, потому и снѣгъ бѣлый и холстъ бѣлый.

— Вонъ для чего,—протянулъ есаулъ, удивляясь опытности и сообразительности Борисова,—бери, бери.

Борисовъ, Черновъ и Ахметъ при помощи другихъ начали обвертывать свои полушубки холстомъ.

— Что за прелесть этотъ Борисовъ,—замѣтилъ командиръ сотнику,—что за опытность!

— Да, травленный волкъ; назадъ тому еще одиннадцать лѣтъ онъ заслужилъ крестикъ подъ

Акѣ-Мечетью. Про него смѣло можно сказать, что самого чорта за рога схватить.

— А какъ тебѣ кажется Черновъ?

— Ну, этоть, такъ сказать, пожиже будетъ, пороху еще мало нюхалъ; его пѣсня еще впереди.

— Нѣтъ, ты скажи, Ахметка-то нашъ каковъ; просто удивительно.

— Ты не знаешь въ чемъ штука? Я это недавно случайно узналъ. Праздникъ у нихъ какой-то былъ и они, считая вѣроятно, что такъ какъ они теперь состоятъ на русской службѣ, то постановленія корана для нихъ не обязательны, порядкомъ выпили. Токсабай и начини хвастаться передъ Ахметомъ, что вотъ де я имѣю медаль, а ты нѣтъ. Наши казаченьки, знаешь, какой народъ, рады слушаю, давай трунить надъ Ахметомъ и такъ его доняли, что ему, бѣдному, въ пору было хоть въ петлю лѣзть. И засѣло у него въ головѣ съ тѣхъ поръ утереть носъ Токсабаю и заполучить себѣ такую же медаль.

Между тѣмъ охотники окончили свои приготовления и, сопровождаемые всевозможными благими пожеланіями, тронулись въ путь.

Выйдя изъ круга, они тотчасъ же легли на землю и поползли. Кругомъ виднѣлись разложенные костры, около которыхъ сидѣли небольшими партіями коканцы, занятые приготовленіемъ ужина.

Запахъ жареной баранины пріятно защекоталъ ноздри голодныхъ смѣльчаковъ.

— Тьфу!—сплюнулъ Ахметъ,—цѣлаго барана теперь съѣлъ бы; хотя бы маленькимъ кусочкомъ гдѣ-нибудь поживиться.—Между сидящими у костровъ коканцами безпрестанно сновали конные разъѣзды, и нужно было имѣть шапку невидимку или знать какой-нибудь заговоръ, чтобы пробраться благополучно, не бывъ замѣченнымъ. Каждые двадцать, тридцать шаговъ наши храбрецы должны были останавливаться, чтобы осмотрѣться и отдохнуть, такъ какъ одежда стѣсняла ихъ движенія. Наконецъ они забрались въ самую средину непріятельскаго стана, и ужасъ невольно пробѣжалъ по ихъ жиламъ: кругомъ былъ непріятель и такъ близко, что слышно было каждое слово, можно было рассмотреть каждую черту лица, малѣйшую подробность одежды. Только чудо могло спасти ихъ. Они не боялись смерти, которой столько разъ смотрѣли безстрашно въ глаза; нѣтъ, ихъ страшила возможность попасть живыми въ руки враговъ. Страшныя мученія и медленная смерть были бы ихъ удѣломъ. Затаивъ дыханіе, они продолжали ползти; каждая минута казалась имъ вѣчностью.

Наконецъ огни остались позади, голоса людей доносились неясно.

— Слава тебѣ, Господи!—вырвался вздохъ

облегченія у Чернова,—и не думалъ, что живыми выберемся. И какъ это они насъ не замѣтили? — развелъ онъ руками.

— Богъ закрылъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ, произнесъ Борисовъ;—какъ бы не онъ, такъ гдѣ бы, и думать нечего.

— Что, Ахметка, страшно было?

— Ой-бай! Думалъ кончать насъ будутъ, курсакъ ¹⁾ и сейчасъ еще дрожить.

Немного вздохнувъ, молодцы наши бѣгомъ направились къ городу, до котораго имъ нужно было пройти около шестнадцати верстъ.

Невеселая, далеко невеселая, наступила для туркестанскаго гарнизона ночь съ пятого на шестое декабря. Носились неясные, неизвѣстно кѣмъ пущенные слухи, что главные силы подъ Чемкентомъ разбиты на-голову; подъ стѣнами города стоялъ непріятель, и ко всему этому примѣшивалась ѣдкая, тоскливая мысль, что невдалекѣ уральцы изнемогаютъ въ неравной борьбѣ и тщетно ждутъ отъ своихъ братьевъ помощи. Комендантъ созвалъ къ себѣ для общаго совѣта всѣхъ офицеровъ. Лица всѣхъ были угрюмы; не слышно было ни одного веселаго слова, и даже къ столу, гдѣ была приго-

¹⁾ Курсакъ — внутренность.

товлена закуска, никто не подошелъ ни разу. Всѣмъ было не до того и какимъ-то уныніемъ вѣяло даже отъ стѣнъ комнаты.

— Ваше высокоблагородіе, — задыхаясь выпалилъ денщикъ, неожиданно появившійся въ дверяхъ, — казаки пришли!

— Какіе казаки?—привскочили всѣ съ своихъ мѣстъ.

— Они самые, то-есть которые въ осадѣ сидятъ... двое да киргизъ еще съ ними. Сквозь всѣхъ, говоритъ, проползли... Доложи, говоритъ, коменданту сей секундъ, потому очень нужно его видѣть.

— Зови ихъ сюда скорѣе, болванъ... Живо!

Въ комнату вошли Борисовъ, Черновъ и Ахметъ. Они едва держались на ногахъ отъ усталости и истощенія. Одежда ихъ была въ крови отъ ранъ, полученныхъ ими за эти два дня.

Всѣ съ любопытствомъ обступили ихъ, какъ выходцевъ съ того свѣта.

— Говорите, голубчики, какъ вы сюда попали... Ну, что у васъ тамъ, какъ?—тормошилъ ихъ комендантъ.

— У насъ тамъ пока, Слава Богу, ничего. Хоть и есть и убитые и раненые, а все-таки терпѣть можно было. Ну, а завтра нашимъ будетъ капутъ, подкатомъ, значить, хочетъ идти. Командиръ наказывалъ: скажи, говоритъ, Борисовъ, что

ночь и утро продержимся, а если, говорить, около полдень не дадутъ выручки, ну, тогда, значить, аминь. Больно ужъ сила у него большая, видимо невидимо... И опять же безперечь палить, и днемъ и ночью. А у насъ заряды почитай всѣ вышли, такъ, самая малость осталась, все одно, что нѣтъ ничего.

— Господа, что будемъ дѣлать?—обратился комендантъ къ офицерамъ.

— Что дѣлать? ясное дѣло, идти выручать. Погибать, такъ погибать вмѣстѣ.

Единогласно было рѣшено идти утромъ на помощь къ уральцамъ. Для этого назначили полторы роты пѣхоты съ двумя орудіями, т. е. большую часть гарнизона.

Свѣтало. Непріятель ночью совсѣмъ почти не беспокоилъ казаковъ и далъ имъ возможность собраться немного съ силами для послѣдняго, рѣшительнаго боя. Всѣ знали, что если не подойдетъ такъ долго и тщетно ожидаемая помощь, то они никогда уже не увидятъ роскошные, привольные берега родимаго красавца Урала.

— Угодникъ Микола, помилуй насъ грѣшныхъ, — крестились казаки и начали другъ съ другомъ прощаться.

Кудрявцевъ, послѣ минутной борьбы съ самимъ собой, вдругъ подошелъ къ Копняеву.—Петя, прости

меня; помнишь, тогда... ворота... мой грѣхъ. Дьяволъ опуталъ мою душу; думалъ легче станеть; думалъ этимъ сердце свое залить. Убить я тебя послѣ этого собирався, да Богъ не пустилъ. Для этого только и пошелъ въ Туркестанъ вмѣстѣ съ тобой, чтобы въ первомъ же дѣлѣ замѣсто непріятеля положить тебя. Да видно родительница моя шибко за меня Богу молилась... Все мое сердце на тебя прошло, размякъ я. Весь я тутъ передъ тобой стою, однимъ словомъ своимъ ты можешь меня и казнить и милловать. Простишь ли ты меня отъ всего сердца, какъ подобаетъ казаку-христіанину?

Не сразу отвѣтилъ Копняевъ. Слово прощенія не шло съ его языка, — такъ велика была обида, нанесенная ему Кудрявцевымъ.

— Богъ простить, — вымолвилъ онъ наконецъ, — давай поцѣлуемся.

— Спасибо, утѣшилъ ты меня, — прерывающимся отъ волненія голосомъ говорилъ Кудрявцевъ, обнимая Петра; — снялъ ты съ моей души грѣхъ, теперь и умирать легко будетъ. Слушай, Петя, помѣняемся крестами.

— Давай, — и недавніе заклятые враги помѣнялись крестами въ знакъ неразрывной, соединяющей ихъ отнынѣ дружбы.

Со стороны непріятеля начали между тѣмъ по-двигаться къ казакамъ огромные щиты, за кото-

рыми коканцы считали себя въ безопасности отъ казачьихъ пуль.

— Подкатомъ идти! — пронеслось по рядамъ казаковъ.

— Ишь, проклятые, догадались какъ къ намъ ловчѣе подступиться.

— Ну, а все-таки не дешево достанутся имъ наши головы, своихъ-то, пожалуй, поболѣ нашего порастеряють.

— Живыми въ руки не дадимся; будетъ долго насъ помнить, и внукамъ и правнукамъ поразскажетъ.

— Братцы, — возвысилъ голосъ командиръ, — я выйду сейчасъ впередъ и скажу коканцамъ, что мы хотимъ сдаться на ихъ милость.

Ропотъ негодованія пробѣжалъ между казаками.

— Подкрѣпленіе, — продолжалъ между тѣмъ есаулъ, — должно подойти къ намъ часамъ къ десяти, а до этого времени коканцы успѣютъ насъ раздавить. Намъ нужно, во что бы то ни стало, выиграть время. Поняли?

— Умно, одобрилъ сотникъ, — только врядъ ли они поддадутся на эту удочку, а впрочемъ... попытаться можно.

Есаулъ вышелъ впередъ и замахалъ бѣлымъ платкомъ.

Это было тотчасъ же замѣчено. Щиты остано-

вились, съ непріятельской стороны выѣхалъ вооруженный коканецъ и направился къ есаулу.

— Положи оружіе, собачій сынъ! — раздалось со стороны казаковъ.

Тотъ нехотя повиновался.

— Говори, что тебѣ нужно, — обратился онъ къ есаулу.

— Я буду говорить только съ самимъ Алимкуломъ, — гордо отвѣтилъ есаулъ.

— Немногаго ты захотѣлъ, — насмѣшливо улыбнулся коканецъ, задѣтый такимъ высокомѣріемъ; — Алимкулъ правитель и далеко не всякаго удостоиваетъ онъ видѣть его особу. Ты долженъ быть доволенъ и тѣмъ, что къ тебѣ вышелъ на переговоры я, начальникъ надъ всѣми его пушками.

— Кто нуждается, тотъ приходитъ. Алимкулъ знаетъ, что, пока я стою здѣсь, ему не овладѣть священнымъ Азретомъ. Пусть онъ придетъ и лично подтвердить всѣ свои обѣщанія, и тогда я перейду къ вамъ. Ступай! — величавымъ жестомъ отпустилъ коканца есаулъ, знавшій, что чѣмъ больше онъ покажетъ гордости, тѣмъ болѣе убѣдятся коканцы въ его непобѣдимости. Обѣ стороны на время затихли. Казакамъ казалось, что солнце на этотъ разъ стоитъ неподвижно. Черезъ часъ начальникъ коканской артиллеріи вернулся, и есаулъ вышелъ къ нему опять.

— Алимкулъ не можетъ къ тебѣ, простому офицеру, выйти для переговоровъ. Если хочешь видѣть его, то пойдемъ со мной, и клянусь Аллахомъ, что волосъ не падеть съ твоей головы.

— Мнѣ не за чѣмъ къ нему идти. Я сказалъ, что онъ болѣе нуждается во мнѣ, чѣмъ я въ немъ.

— Напрасно ты такъ говоришь. Вы храбры, очень храбры; такими батырями смѣло можетъ гордиться вашъ Яикъ, но все-таки часъ вашъ пробилъ. Смотри, — показалъ коканецъ на кольцо съ дорогой бирюзой, — это перстень Алимкула. Онъ далъ мнѣ его въ знакъ того, что все, что я буду говорить, есть его собственныя слова. Брось сопротивляться, переходи къ намъ. Ты и твой товарищъ будете первыми людьми въ ханствѣ. Всѣ казаки получаютъ богатые подарки и будутъ сдѣланы начальниками; намъ нужны такіе люди. Даже, — тутъ коканецъ понизилъ голосъ и безпокойно повернулся въ сторону своихъ, — Алимкулъ даже не требуетъ, чтобы вы сейчасъ перемѣнили вѣру. Послѣ, когда вы узнаете истину корана, вы сами это сдѣлаете безъ всякаго принужденія. Согласенъ?

— Подожди, дай мнѣ переговорить съ моимъ товарищемъ.

— Ну, что? — встрѣтилъ сотникъ возвратившагося командира.

— Ключеть. Пришелъ пока яко бы посовѣто-

ваться съ тобой. Господи! Еще только полчаса седьмого.

— Осмѣлюсь спросить, ваше благородіе, что онъ говорить?—обратился вахмистръ къ командиру.

— Зоветъ служить къ себѣ и общаетъ васъ всѣхъ сдѣлать полковниками.

— Ахъ онъ, гололобый чортъ! — вырвалось у вахмистра. — Тьфу! — сплюнулъ онъ. — Сволочь такая, а туда же...

— Что же ты?—нетерпѣливо крикнулъ коканецъ.

— Самъ посуди,— подошелъ къ нему есаулъ,— могу ли я положиться на твои слова. Нѣтъ, нѣтъ! Пусть Аликулъ придетъ самъ, поклянется намъ надъ кораномъ, и тогда мы его.

Лицо коканца потемнѣло, и онъ сдѣлалъ незамѣтный знакъ своимъ товарищамъ.

— Я вижу, что ты только тянешь время, невѣрная собака! Ужъ не ждешь ли ты, что запертые въ Азретъ трусливые сарбазы придутъ къ тебѣ на помощь? Ха, ха, ха! Они не смѣютъ носа высунуть изъ крѣпости, и скоро какъ ихъ, такъ и ваши головы будутъ болтаться въ куржумахъ нашихъ джигитовъ.

— Товарищъ, уходи скорѣе! — раздался голосъ сотника.

Есаулъ взглянулъ и замѣтилъ, что щиты подступали ближе. Бѣгомъ бросился онъ назадъ и не

успѣлъ переступить черту круга, какъ ружейная перестрѣлка затрещала со всѣхъ сторонъ. Жутко стало казакамъ, когда щиты начали надвигаться со всѣхъ сторонъ. Уральцы очутились въ мертвой петлѣ, стягивавшейся все туже и туже. Отъ порохового дыма трудно было дышать; стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ дикихъ пронзительныхъ завываній озлобленнаго врага. Казаки стрѣляли черезъ ружье, дорожа каждой пулей, изъ которыхъ ни одна не пропадала даромъ.

— Братцы,—обратился вдругъ командиръ къ казакамъ:—двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать,—попробуемъ пробиться. Пробьемся—хорошо, не пробьемся—умремъ такъ, какъ велитъ намъ присяга.

— Ура!—гаркнули казаки.

— Заклепать орудіе и переломать лишнія ружья! Пусть ничего не достанется врагу, чѣмъ бы онъ могъ похвалиться передъ своими.

Приказаніе живо было исполнено.—Господи благослови!—перекрестился есаулъ. Всѣ послѣдовали его примѣру.—Съ нами Богъ, ура!

Нельзя себѣ представить, до какой степени были ошеломлены коканцы подобной дерзостью и вмѣстѣ съ тѣмъ удивлены, увидѣвъ, что передъ ними не сотни, какъ они думали, грозныхъ враговъ, а только небольшая горсть большею частью израненныхъ людей.

III 4972

«Памяти воиновъ, павшихъ подъ Иканомъ въ 1864 году».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1902 г.

Типографія Третья и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13

Разсказы изъ былого Земли Русской

Генер. Штаба Подполковника И. И. КОЗЛОВА.

С.-Петербургъ, 1899—1900 гг.

1. Святославъ и его походы . . .	5	12. Первые государи изъ дома Романовыхъ	10
2. Владиміръ Красное Солнышко .	4	13. Царь Ѳеодоръ и первые годы царствованія Петра I	8
3. Русь до нашествія татаръ . . .	5	14. Императоръ Петръ Великій . .	13
4. Нашествіе татаръ. Александръ Невскій	9	15. Преемники Петра I	6
5. Начало Москвы	4	16. Императр. Екатерина Великая .	10
6. Княжества Галицкое и Литовское	4	17. Суворовъ	10
7. Дмитрій Донской и св. Сергій .	8	18. Александръ I	12
8. Іоаннъ III	6	19. Императоръ Николай I	8
9. Іоаннъ Грозный	10	20. Императоръ Александръ II и заключеніе; Царь-Миротворецъ .	15
10. Западная Русь. Литва и Польша.	4		
11. Смутное время	14		

— Всѣ 20 разсказовъ вмѣстѣ 1 руб. 50 коп. —

 10 экземпляровъ cadaго комплекта вмѣсто 15 руб.—13 руб. съ пересылкой.

ОДОБРЕНЫ Царк. Главн. Штаба 1899 г. № 265 и 1900 г. № 290 и ДОПУЩЕНЫ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ безплатныя народныя читальныя и библіотеки.

ОТЗЫВЪ. *«Русскій Инвалидъ»* 1899 г. № 242. «Книжки г. Козлова представляютъ пересказъ исторіи, написанный хорошимъ простымъ понятнымъ языкомъ... Книжки изданы прекрасно. Въ нихъ много рисунковъ и нѣсколько схематическихъ картъ; во всякомъ случаѣ г. Козловъ успѣшно справился съ трудною задачею разсказать про былое земли Русской».

«Варшавскій Воен. Журн.» 1900 г. № 2. Пріятнымъ исключеніемъ является изданіе ряда иллюстрированныхъ разсказовъ изъ Русской Исторіи капитана И. И. Козлова, предпринятое В. А. Березовскимъ. Безхитростный, но и не пустой, разсказъ изъ родной старины навѣрно придется по душѣ каждому солдату-грамотею, простой слогъ будетъ ему вполне понятенъ, а удачный подборъ историческихъ очерковъ еще болѣе возбудитъ его интересъ и любовь къ дѣламъ родины. Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ характеромъ чтенія солдата и его вкусами; почему «Разсказы изъ былого земли русской» мы считаемъ цѣннымъ вкладомъ въ нашу солдатскую библіотеку и рекомендуемъ ихъ какъ прекрасное изданіе для солдатскихъ библіотекъ. Крайне доступная цѣна будетъ, конечно, только способствовать успѣху изданія.

Н. М.

Издаль В. А. БЕРЕЗОВСКІЙ

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.